

053.

В. В. Протопопова

Театр и искусство.

XI г. издания

1907 г.

№ 46

ВОСКРЕСЕНЬЕ 18 НОЯБРЯ

Открыта подписка на 1908 годъ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ**ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО**

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА**„Библиотека Театра и Искусства“**

Годъ (съ 1-го Января) — 7 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и по 2 руб. къ 1-му апрѣля и 1-му іюня.

Полгода (съ 1-го Января по 1-е іюля) — 4 руб.

Отдѣльные №№ по 20 коп. — Объявленія: 40 к. строка петита (въ 1/2 стр.) позади текста, 50 к. — передъ текстомъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Спб. Гороховая 4. — Телефонъ № 1669

ВЫСЛАЕТЪ ВСѢ ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВИНКИ (печати, литогр. и рукописи.)

Хорошенькая. С. А. Найденова, опер. ака. 2 р. 60 к. Комп. ролей 4 руб.**Витязь.** Въ 4 д. Н. Ю. Жуковской (реперт. Спб. Малаго театра). Рукоп. ака. Комп. ролей 4 руб.**Порядочные люди.** Это въ 5 карт. К. Остроженко (Репер. Спб. Малаго т.). Ц. 2 р. 6. Роли 4 руб.**Честный человекъ.** (Репертуаръ театра Корна), п. 2 р. Комп. ролей 4 руб. (Вс. разр. „Пр. Вѣсти“ № 73 1907 г.).**Черные вороны.** В. В. Протопопова, въ 5 д. и 2 р., роли 4 р. (Вс. разр. „Пр. Вѣсти“ № 226 1907 г.).**Дѣльцы.** („Смерть“). (Реперт. Малаго т. и Моск. Малаго театра) І. Колышко, цѣна 2 р. Комп. ролей 4 руб. (Вс. разр. „Пр. Вѣсти“ № 243 1907 г.).**Въ сумеркахъ разсвѣта.** (Репертуаръ театра Корна), въ 4 д. В. Гейера, цѣна 2 руб.**Незначительная женщина.** О. Уайльда (блин. новинка Алекс. т.) пер. В. Томашевской. Ц. 2 р.**Общество улучшенія челов. породы** („Религія красоты“) въ 5 д. Фр. Ведекенда, пер. Ел. Кугель. Ц. 2 р. комп. ролей 4 р. (Вс. разр. „Пр. Вѣсти“ № 243. 1907 г.)

(Продолженіе смотри на оборотѣ).

„Пробужденіе весны“, Ф. Ведыкина переводъ Елены Кугель, ценз. экз. 2 р. 50 к. Компл. ролей 4 р.

„Старый другъ“, въ 4 д. В. Томашевской (реперт. театра П. Д. Красова) готовится къ печати.

„Соперница“ въ 4 д. Кистемекерса и Делера, пер. В. Томашевской, ц. 2 р. Без. разр. „Прав. Вѣсти.“ № 243, 1907 г.

„Богатая мать“ (Профессія М-съ Варрелъ), Шау, пер. Вейконе, ц. 2 р. (Без. разр. „Прав. Вѣсти.“ № 243, 1907 г.)

„РАФЛЬСЪ, ВОРЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“, ц. 2 р. Компл. ролей 4 р.

„Безпечальные“ („Волна“), въ 4 д. В. Рышкова, ц. 2 руб. Компл. ролей 4 р.

„Война“, въ 4 д. Евреимова, ц. 2 р. Компл. ролей 4 р.

„Въ цѣпяхъ“, въ 3 д. Бріе перев. В. Томашевской, ц. 2 руб.

„Его домъ въ порядкѣ“, въ 4 д. А. Пинеро, перев. О. Н. Поповой, ц. 2 руб.

„Воръ“ Бернштейна, перев. Потапенко (м. 4, ж. 2), ц. 2 р. Компл. ролей 4 руб.

„Пасынки жизни“ пьеса въ 4 дѣйств. изъ еврейской жизни. Д. Бенарье, ц. 2 р.

„Г-жа адвокатъ“ к. въ 1 д. Лидиной—Вильевой, 60 к.

„Братья-Помѣщики“ въ 4 д. Л. Д. Толстого, ц. 2 р. Компл. ролей 4 руб. „Хаостъ“ (без. разр.), ц. 2 р.

„ЭЛЕКТРА“, Гюффанстала, перев. О. Чуминой. Целурованный экземпляръ 3 руб.

„Сыщикъ Лековъ“, въ 5 д., ценз. рукоп. экз. цѣна 6 руб. „Мещъ Моріани“, цензур. рукоп. экз. ц. 5 руб. „Жизнь человѣка“, Л. Андреева, ценз. экз. ц. 3 р. 50 к.

ВЪ КОНТОРѢ ТЕАТРА И ИСКУССТВА
ПРОДАЮТСЯ ПЬЕСЫ:

„МУЗЫКА“, Ф. Ведыкина въ 4-хъ д. Перев. Оскара Норвежскаго, ц. 2 р.

„ТАЙНА ДВОЙНИКА“ драма въ 4 д. по роману Стенсона пер. съ англ. М. А. Потапенко. Рукопис. ценз. 5 р. (дешевой 3 р.)

„МОЯ РОДИНА“, пьеса въ 5 д. Л. Л. Толстого. ц. 2 р., цензур. 4 руб.

„ХОРОВОДЪ“ („Эмансипація въ супружествѣ“) Г. Бара. въ 4 д., ц. 2 руб.

МОСКВА.
НОВЫЙ ТЕАТРЪ
С. И. ЗИМИНА.
ОПЕРА. СПЕКТАКЛИ ЕЖЕДНЕВНЫЕ.

СОСТАВЪ ТРУПЫ:

Сопрано: г-жи Врунь, Германъ, Генгроссъ, Добровольская, Истомина, Карпачева, Луца, Милова, Михайлова, Норская, Петровская, Софьянская, Сивяцкая, Старостина, Цвѣткова; Мещ-сопрано: г-жи Гелликъ, Давидина, Лебедева, Лелова, Машинская, Петрова-Звонцова, Полозова, Ростовцева; Тенора: г-г. Волинъ, Дубровинъ, Зинковъ, Карелинъ, Каренинъ, Карелинъ, Колыцовъ, Цикотъ, Севастьяновъ; Баритоны: г-г. Востаровъ, Вѣковъ, Гаринъ, Горскій, Каменскій, Оленинъ, Соколовъ, Чуриновъ, Шляховецъ; Басы: г-г. Волгинъ, Давидъ, Николаевъ, Осиповъ, Трубинъ, Удальцовъ; Шапозаловъ; Капельмейстеры: Палицынъ, Палице, Вуко, Златинъ; Зав. худож. част. г. Оленинъ; Режиссеры: г. Ивановскій; Суфлеры: г. Гороворовъ; Концертмейстеры: г. Кошелевскій; Хормейстеры: г-г. Франкетти, Вуко; Балетмейстеры: г. Франческо-Лунджини; Декораторы: г. Маторинъ.

РЕПЕРТУАРЪ.

Кромѣ оперъ, поставленныхъ въ прошлыхъ сезонахъ, еще: „Сандрильона“, „Свадьба Фигаро“, „Сказка Гофмана“, „Ночь подъ Рождество“, „Рипъ-Рипъ“, „Гасконецъ“, „Цѣвекъ изъ Палермо“, „Придворный дуракъ“, „Филимонъ и Вавилъ“, „Царь-Плутыкъ“, „Дѣла-Властелинъ“, „Сафо“, Труппа М-ше Жюлиеръ“, „Царь-Бездѣльщикъ“, „М-ше Вутерфелъ“, „Колоколъ Пустынника“, „Проповѣдникъ“, „Фигляръ“, „Скоморохъ“, Балетъ „Фигляръ“, „Въ Вѣкъ“, „Шампанское“, „Императрица“, „Малодѣтка“.

СПБ. Театры Городскаго Попечительства о народной трезвости.

Театръ Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 18-го Ноября, въ 1 часъ дня: „ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА“, мелодр.; въ 5 часъ вечера: „СИДОРКИНО ДѢЛО“, ком.; въ 8 часъ вечера: „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“, оп.—19-го: „НОВЫЙ МІРЪ“, обстан. пьеса.—20-го: Спектакля нѣтъ.—21-го въ 1 часъ дня: „ГОРЕ ОТЪ УМА“, ком.; въ 5 часъ вечера: „НА БОЙКОМЪ МѢСТѢ“, ком.; въ 8 часъ вечера: „РУСАЛКА“, оп.—22-го: „САДКО“, оп.—23-го: „САДКО“, оп.—24-го: „ДЕМОНЪ“, оп.—25-го: въ 1 часъ дня: „РЕВИЗОРЪ“, ком.; въ 5 часъ вечера: „ВАНЬКА КЛЮЧНИКЪ“, др.; въ 8 часъ вечера: „ФАУСТЪ“, оп.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. (Бывшій Стоклянный заводъ).

Въ Воскресенье, 18-го: „ИВАНЪ РАЗВОЙНИКЪ“, драм.—21-го: „ЕВГЕНІЙ ОНѢГІНЪ“, оп.—25-го: „ЛѢСНОЙ БРОДЯГА“, мелодр.

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 18-го: „ДВѢ СИРОТКИ“, др.—21-го: „ТРИЛБИ“, др.—23-го: „ТРАВИАТА“—25-го: 1) „СУВОРОВЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ, МИЛАНЪ И ВЪ ОБЩЕСТВѢ ХОРОШЕНЬКИХЪ ЖЕНЩИНЪ“, ком.; 2) „УГНЕТЕННАЯ НЕВИННОСТЬ“, водев.

Театръ зимній „БУФФЪ“

(Навзевскій театр) Адмиралтейская наб., 4. Телеф. 19—58. Дирекція П. В. Туманова.
РУССКАЯ ОПЕРЕТТА, ком. ОПЕРА, ФЕЕРІЯ и БАЛЕТЪ.

Репертуаръ: „НОЧЬ ЛЮБВИ“, „ТОРРЕАДОРЪ“, „ВЕСЕЛАЯ ВДОВА“, „МАКСИМИСТЫ“.

Главныя роли исполняютъ: г-жи Вауеръ, Вархимова, Гвоздецкая, Райкова, Шувакова; г-г. Вавичъ, Коржевскій, Кошевскій, Михайловъ, Можаковъ, Токарскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Гл. режиссеръ: А. А. Браной.

Гл. капельмейстеръ В. І. Шапочнъ.

ЕКАТЕРИНІНСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Екатерин. кан. 90. Тел. 257—32). Сезонъ 1907—8 гг. Дирекція Н. Г. Сѣверскаго.

Составъ труппы: Г-жи: *Руса Нордстрема, Ф. И. Барникова, С. Л. Свѣтлова, Е. В. Лучезарская, Л. И. Гамалѣя, Е. А. Давыдова, О. В. Востужева, Е. А. Савранская, Н. С. Перелли, Е. М. Роговская, М. Н. Милооская, Е. П. Де-Горъ и др.* Г-г: *Н. Г. Сѣверскій, В. Я. Греховъ, Н. В. Глушинъ, Л. Г. Мираевъ, А. П. Долнѣй, Ю. С. Морфесса, М. Н. Ворченко, В. П. Ландратъ, В. И. Лукашевичъ, М. П. Дарьялъ, А. В. Ракитинъ, Л. В. Орлякинъ, В. И. Сѣдущинъ и др.*

Гл. Режиссеръ Н. Г. Сѣверскій. Режиссеры И. А. Чистяковъ, Г. В. Пиневскій, Суфлеръ А. А. Ивасенко. Гл. Капельмейстеръ А. К. Паули. Капельмейстеръ Ал. Тюрнеръ. Вакетъ Н. А. Чистякова. Хоръ 40 челов. Оркестръ 32 чел.

ЕЖЕДНЕВНО: „Жизнь человѣка“ (на изнанку), Л. Полтавскаго.

ТЕАТРЪ „НЕВСКІЙ ФАРСЪ“

IV-й СЕЗОНЪ. (Невскій, 56, домъ Гр. Гр. Елисеѣва). ТЕЛЕФОНЪ № 68-36

ВЕСЕЛЫЙ ЖАНРЪ: фарсъ, обзорніе, комедія, водевилъ, шутка и пр., подъ главнымъ режиссерствомъ **В. А. Казанскаго.**

Составъ труппы: Е. А. Мосолова, В. Ф. Валентина-Линъ, С. П. Губеръ, М. Г. Сароктина, А. В. Алашева, В. Н. Кузико-Коренка, К. И. Яковлева, С. П. Волгина, В. И. Зичи, В. Г. Торская, М. М. Нильская, Ф. И. Забѣла, Маргента, Орская, Волковская, Бедожинова, Липовская, Васильева, Валлина, Линдъ-Грейвъ, Старковская; г-г. А. С. Смолковъ, В. А. Казанскій, М. И. Разудовъ, В. Ю. Вадимовъ, В. А. Демертъ, В. М. Петина, С. В. Юреневъ, П. М. Николаевъ, В. М. Майскій, А. П. Ростовцевъ, Суриновъ, Курскій, Миншинъ, Агранскій, Лемскій-Самборскій, Липатевъ, Невзоровъ, Вранскій, Геккеръ, Вѣловъ и мн. др.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Начало въ 8¼ ч. веч.

Касса открыта ежедневно съ 11 ч. у. до 8 ч. веч.

Отвѣтственные режиссеры **В. Ю. ВАДИМОВЪ** и **І. А. СМОЛЯКОВЪ**. Режиссеръ **Л. А. ЛЕОНТЬЕВЪ**. Суфлеръ **М. Г. СКВОЗНИКОВЪ**. Художникъ-декораторъ **М. Г. БУТОВЪ**.

„ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕАТРЪ“

(Бывшій НЕМЕТТИ). Сезонъ 1907—8 года.

ЕЖЕДНЕВНО: „Черные вороны“, В. Протопопова.

Цѣны мѣстамъ отъ 3р. 50 к. до 40 к. Разъ въ недѣлю общедоступные спектакли, каждое определенное нумерованное мѣсто по 50 к. Периодически—спектакли по возвышеннымъ цѣнамъ отъ 1 р. и выше.

Начало вечернихъ спектаклей ровно въ 8 часовъ, утреннихъ въ 1 часъ дня.

Касса театра открывается отъ 12 ч. д. до 7 ч. в.

Дирекція Н. Д. Красова.

Словарь спеническихъ дѣятелей

(выпуски за прѣжніе годы) высылается за 2 р. съ пересылкой.

„ЖИЗНЬ ПАДШЕЙ“.

(Какъ это бываетъ)

въ 5 д., переводъ В. М. Бабецкаго. Высылается налож. платъ за 2 р. 50 к. нѣз конт. „Театра и Искусства“.

Слабыя въ развитіи или въ учении оставшія дѣти, а также малокровныя, себя слабо чувствующіе и нервные, переутомившіеся, легко раздражающіеся взрослые всякаго возраста употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство, съ большимъ успѣхомъ

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевныя и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте называть себя подделкой.

СОДЕРЖАНИЕ:

Къ „отставкѣ“ Мейерхольца.—Духовенство и театр.— Письмо въ редакцію опернаго режиссера *Н. Н. Боголюбова*.— Воззваніе къ сценическимъ дѣятелямъ *И. О. Пальмина*.— Хроника.—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника.—Музыкальныя замѣтки. *И. Кнорозовскаго*.—Минуты. *П. А. Амфи-театрова*.—Столбы. *П. Петра Пилскаго*.—Театральныя замѣтки. *А. Куцеля*.—Режиссерскія замѣтки. —Ангажементы. —По провинціи.—Казанскія письма. *М. Зельдовича*.—Провинціальная лѣтопись.—Списокъ пьесъ.—Объявленія.

Рисунки и портреты: Виды Убѣжища Т. О. и дѣтскаго пріюта, М. А. Майковъ, „Смерчъ“ („Дѣльцы“) (3 рис.), Г-жа Петренко, Іоганнъ Шлафъ, „Побѣда смерти“, „Богъ мести“ въ театрѣ Корша (2 рис.), В. Э. Мейерхольдъ (шаржъ).

С.-Петербург, 18-ю ноября 1907 года.

Ниже мы печатаемъ нѣкоторыя подробности по поводу „отставки“ г. Мейерхольца. Какъ извѣстно читателямъ, нашъ журналъ считалъ и считаетъ направление г. Мейерхольца неправильнымъ и для театра, съ нашей точки зрѣнія, вреднымъ. Но въ этомъ инцидентѣ есть профессионально-бытовая сторона, которая, будучи совершенно независима отъ вопросовъ искусства, складывается едва ли благоприятно для дирекціи театра. Сценический міръ всѣми доступными ему мѣрами и средствами боролся съ системою „дебютовъ“, послѣ которыхъ антрепренеръ имѣлъ право отпустить артиста на всѣ четыре стороны. Защищались при этомъ не только матеріальные интересы артиста, но и моральные,—его достоинство, его положеніе, его самолюбіе. Наконецъ, эти „дебюты“ удалось устранить. И что же? „Дебютъ“, но лишь распространенный на полтора сезона — значитъ, еще менѣе заслуживающій оправданія—примѣняется къ театру, претендующему на серьезное художественное значеніе и руководимому извѣстною артисткою.

Разумѣется, еще Бѣлинскій сказалъ: „только дуракъ не мѣняетъ своихъ убѣжденій“. Въ этомъ отношеніи г-жа Коммисаржевская внѣ всякаго упрека: она неоднократно мѣняла свои убѣжденія, и достаточно прочитавъ ея признанія въ прошломъ сезонѣ, чтобы убѣдиться, какъ радикально измѣнились ея взгляды. Но тутъ-то и выступаетъ отличіе театрално-профессиональнаго дѣла отъ прочихъ. Въ то время, какъ въ другихъ областяхъ „умный человѣкъ“ можетъ мѣнять свои убѣжденія, какъ перчатки,—въ театрѣ онъ, по обычному театралному праву, ограниченъ сезономъ. Это вполне понятно, такъ какъ сезонъ есть общій для *всѣхъ* театровъ промежутокъ времени, и посреди сезона и самый выдающійся театралный дѣятель не можетъ найти ангажемента, а слѣдовательно, обреченъ на бездѣйствіе. А между тѣмъ убѣжденіе относительно Н. Н. Арбатова и нѣкоторыхъ артистовъ труппы, пригодныхъ лишь, по новому убѣжденію г-жи Коммисаржевской, для изображенія быта, сложилось и окрѣпло въ началѣ октября прошлаго года. Убѣжденіе относительно г. Мейерхольца и отреченіе отъ стилизаціи, т. е. обратное убѣжденіе, сложилось въ началѣ ноября нынѣшняго года. Все это съ полною внезапностью. Въ сентябрѣ прошлаго года труппа г-жи Коммисаржевской играла еще въ провинціи „Дикарку“, а въ началѣ октября уже опредѣленно взошла звѣзда „стилизаціи“. Какъ въ прошломъ году г. Арбатовъ, такъ въ нынѣш-

немъ г. Мейерхольдъ оказываются въ положеніи „безработныхъ“. Раньшеубѣжденія г-жи Коммисаржевской (относительно *І. А. Тихомирова*, *Н. А. Попова*, *А. Л. Волинскаго*) мѣнялись въ зависимости отъ луннаго года, но съ нѣкоторыхъ поръ наступила полная космографическая путаница... Это нехорошо. Артистка должна жить по театралному календарю. Она не можетъ отговариваться незнаніемъ условій театралнаго быта. Пусть себѣ мѣняетъ свои убѣжденія — это ея дѣло, ея право, ея привилегія! Но мѣняя убѣжденія, нужно помнить, что оперируешь не надъ абстракціею, а надъ живымъ человѣческимъ матеріаломъ, и что каждый вычеркнутый изъ жизни артиста сезонъ есть невознаградимый ударъ для его карьеры, репертуара, положенія, искусства. Объ этомъ г-жа Коммисаржевская совершенно не думаетъ. А надо думать. Что сказала-бы г-жа Коммисаржевская, если бы антрепренеры, у которыхъ она служила, заставляли ее то пѣть въ водевиляхъ, то играть въ трагедіяхъ, а то просто не давали бы ролей, на томъ основаніи, что, время отъ времени, на нихъ снисходить таинство прозрѣнія? Г-жа Коммисаржевская навѣрное проплакала бы свои глаза, даже если бы эти операции не носили характера „торговой казни“. Но г-жа Коммисаржевская родилась подъ счастливою звѣздою: въ то время, когда она была начинающей актрисою, и имѣя убѣжденія, не имѣла собственнаго театра, антрепренеры были люди стойкіе въ своихъ убѣжденіяхъ, и только лишь божественный Мазини пѣлъ „*La donna è mobile*“...

По дѣлу съ г. Мейерхольдомъ назначенъ третейскій судъ. Къ сожалѣнію, среди судей мы не видимъ театралныхъ людей. Только театралные люди могутъ дать надлежащую оцѣнку барометрическимъ измѣненіямъ погоды и убѣжденій, которыя превращаютъ театръ г-жи Коммисаржевской въ страну, такъ сказать, экваторіальную.

Походъ противъ „Пробужденія весны“, „Черныхъ вороновъ“ и др. пьесъ репертуара, наиболѣе привлекающихъ публику въ театрѣ, продолжается. Значительную роль въ этомъ походѣ,—роль, такъ сказать, водительскую—играетъ духовенство. Въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ „Колоколѣ“, авторъ „Черныхъ вороновъ“ выразилъ надежду, что не всѣ служители церкви окажутся единомышленниками епископа Гермогена. Конечно, не всѣ. Однако, немалая часть, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, къ этому походу примкнула. Подумаешь, въ жизни страны нѣтъ болѣе существенныхъ и важныхъ для духовенства вопросовъ, какъ составлять телеграммы и ходатайства о запрещеніи пьесъ, разрѣшенныхъ драматическою цензурою! Вотъ, напримѣръ, народное пьянство, которое даже „правые“ въ нынѣшней Думѣ считаютъ коренною причиною народныхъ бѣдствій. Но нѣтъ, не слышать что-то, чтобы духовенство собиралось на „митинги“, какъ въ Кіевѣ, и посылало соотвѣтствующія ходатайства о воспрещеніи кабаковъ.

Съ точки зрѣнія государственной и административной, вообще, эта ажитация духовенства совершенно непонятна. Еще менѣе понятна поспѣшность, съ которою администрація приноситъ въ жертву власть свѣтскую власти духовной. Кажется, Россія не теократія. Кажется, и главное отличіе православія отъ католичества заключается въ томъ, что отвергается начало такъ называемаго „цезаро-па-

пизма". Въ чемъ же дѣло? Или мы находимся наканунѣ новой перегруппировки государственныхъ и административныхъ силъ и образованія клерикальной партіи?

Если, однако, духовенство рѣшило серьезно приняться за театральнѣйшій репертуаръ, учредивъ надъ нимъ родъ высшаго комитета цензуры, то тогда ему слѣдовало-бы хотя знать предметъ, о коемъ оно судить. Знать же его оно не можетъ, ибо, по правиламъ, духовенство театра не посѣщаетъ. На основаніи же чего оно судить? Можетъ-ли оно судить о „Пробужденіи весны“ по тексту книги, не зная, что въ ней пропущено, что не пропущено драматической цензурой? Въ исторіи съ „Черными воронами“ любопытно то, что въ то время, какъ „митинги“ духовенства „постановляютъ“ (ибо на дѣлѣ это постановленіе) о снятіи пьесы, изобличающей вредную секту,—по сообщенію газ. „Русь“, министерство, озабоченное распространеніемъ секты „іоаннитовъ“, принимаетъ соотвѣтствующія мѣры къ пресѣченію сектантства и разъясненію темному народу суевѣрій, лежащихъ въ его основѣ.

Такимъ образомъ, мы явно присутствуемъ при какомъ-то смѣшеніи языковъ, сущемъ вавилонскомъ столпотвореніи. Да иначе и быть не можетъ, разъ клиръ вступаетъ въ мірское дѣло, которому совершенно чуждъ...

Или мы можемъ ждать, что духовенство, находя существенные недостатки въ дѣятельности драматической цензуры, будетъ также хлопотать о разрѣшеніи запрещенныхъ ею пьесъ, какъ нынче хлопотеть о воспрещеніи разрѣшенныхъ? Ибо если признать, что въ кругъ вѣдѣнія духовенства входитъ забота о театрѣ, то отсюда логически слѣдуетъ, что можно обратиться къ духовенству съ просьбою о снятіи запрета съ пьесъ, неодобренныхъ цензурою.

Если такъ, то нельзя-ли знать, какія именно духовныя инстанціи принимаютъ на себя хлопоты по театральнымъ дѣламъ?..

Нами получено отъ опернаго режиссера Н. П. Боголюбова слѣдующее письмо, которое мы рекомендуемъ вниманію читателей.

„Настоящій сезонъ особенно тяжелъ для оперныхъ предприятий и этотъ сезонъ снова выдвигаетъ на очередь вопросъ о правильной и болѣе нормальной организаціи оперныхъ предприятий. На мой взглядъ, хотя разъ, пускай въ видѣ опыта, всѣмъ наиболѣе виднымъ опернымъ дѣтелямъ надо съѣхаться этимъ постомъ въ Москвѣ (на 4-й недѣлѣ) и стлковатьсь о способахъ организаціи оперныхъ предприятий, о способахъ взаимопомощи и хотя-бы о минимальныхъ этическихъ принципахъ въ совместной жизни между оперными предпринимателями по отношенію другъ къ другу. Съѣхавшись всѣ вмѣстѣ,—насъ немного,—мы, мнѣ кажется, можемъ установить извѣстныя *нормы* „опернаго предприятия“,—будь то антреприза или т-во, и съ этими *нормами* принуждены будутъ считаться всѣ „случайные оперные предприниматели“, лопающіеся какъ мыльные пузыри послѣ одного-двухъ мѣсяцевъ своего существованія.

Въ оперномъ дѣлѣ есть много техническихъ условій, которыя, при нашемъ къ нимъ—этимъ условіямъ—внимательномъ отношеніи, будучи выясненными на общемъ совѣщаніи, создадутъ болѣе или менѣе правильный механизмъ оперныхъ предприятий, безъ котораго положительно невозможно вести опернаго дѣла.

Для всѣхъ насъ ясна и насущна польза *Общаго собранія оперныхъ предпринимателей и дѣтелей*, а потому я прямо ставлю свое обращеніе ко всѣмъ дѣтелямъ оперной сцены о согласіи собраться на IV недѣлѣ предстоящаго В. поста въ Москвѣ для обсужденія вопроса о *болѣе правильной и нормальной постановкѣ оперныхъ предприятий*. Собраннымъ вмѣстѣ, обсудимъ многое, а такъ какъ интересы у насъ, какъ у однородной группы, одинаковы, то и сговориться намъ будетъ легко.

На этомъ собраніи мы также можемъ создать и союзъ „Дѣтелей оперной сцены“, тѣмъ болѣе, что „Союзъ Всероссійскій“ кажется не прививается. Мы-же, оперные дѣтели, поставимъ дѣло „Союза“ сразу на практическую почву, если большинство насъ прибѣдетъ на это собраніе. Собраніе

должно быть создано отъ имени Театральнаго Общества, и Театральное же Общество должно оказать собранію самое широкое содѣйствіе. Мы ждемъ въ этомъ дѣлѣ широкой инициативы Театральнаго Общества и, надо думать, наше собраніе, если оно удастся, приметъ благіе практическіе результаты“.

Воззваніе И. О. Пальмина, безъ сомнѣнія, будетъ съ должнымъ вниманіемъ прочитано сценическими дѣтелями. Положеніе Т. О.—трудное, и приплачивать ему ежегодно на содержаніе Убѣжища и пріюта около 23,000 руб. въ настоящее время не по силамъ. Опытъ замѣны добровольнымъ пожертвованіемъ новогоднихъ поздравленій былъ уже сдѣланъ года три назадъ, и сумма, собранная конторою нашего журнала, оказалась довольно значительною, хотя оповѣщенъ объ этомъ былъ сценическій міръ поздно. Мы увѣрены, что нынѣшній разъ сумма значительно превзойдетъ прежнюю.

Главное—не цифра жертвуемаго, а всеобщность признанія, что гораздо разумнѣе отдать рубль на стариковъ и дѣтей театральнаго міра, нежели увеличивать имъ доходы писчебумажныхъ магазиновъ и почтово-телеграфнаго вѣдомства. Такъ изъ «лепты круговой» незамѣтно совершится поддержка истинно-христіанскаго дѣла.

Подписка въ пользу Убѣжища для прест. сценич. дѣтелей и пріюта для дѣтей И. Р. Театральнаго Общества. (Взамѣнъ новогоднихъ поздравленій).

Гг. Сценическіе дѣтели!

Ежегодно мы получаемъ и разсылаемъ къ Новому году неимовѣрное количество визитныхъ карточекъ и телеграммъ съ поздравленіями. Не говоря о томъ, что этотъ обычай отнимаетъ очень много времени, мы тратимъ зря и деньги. Употребимъ ихъ съ пользой. Многія благотворительныя учрежденія, взамѣнъ визитовъ, устраиваютъ подписки, фамиліи участниковъ печатаются въ газетахъ, собираются крупныя суммы на добрыя дѣла, и только мы, дѣтели сцены, забыли, что у насъ имѣются также благотворительныя учрежденія—это Убѣжище для престарѣлыхъ сценическихъ дѣтелей и Пріютъ для дѣтей Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. Мы совсѣмъ не заботимся о нашихъ старикахъ и дѣтяхъ, а между тѣмъ, это наша святая обязанность. Друзья, никто изъ насъ не гарантированъ отъ того, что доживъ до старости, до полнѣйшей невозможности служить на сценѣ, не вынужденъ будетъ остатокъ жизни кончать въ Убѣжищѣ, никто не застрахованъ отъ тяжелыхъ годинъ, при которыхъ обстоятельства заставятъ помѣстить дѣтей своихъ въ дѣтскій Пріютъ. Исторія Убѣжища и Пріюта даетъ намъ яркіе примѣры—артисты, гремѣвшіе въ столицѣ и провинціи, являвшіеся гордостью русской сцены, кончали жизнь въ Убѣжищѣ. Я обращаюсь къ Вамъ—богатые и бѣдные, первачи и выходные,—откликнитесь на мой призывъ. Во всѣ театры мной рассылаются подписные листы; не стѣсняйтесь цифрой подписки—дорога каждая копѣйка. Заполнивъ подписные листы, я прошу ихъ отослать вмѣстѣ съ деньгами въ Петербургъ, въ редакцію журнала „Театръ и Искусство“, Гороховая, 4. По полученіи денегъ редація будетъ печатать въ ближайшемъ номерѣ, сколько поступило денегъ отъ каждой труппы, а при новогоднемъ номерѣ выпуститъ отдѣльные листы, въ которыхъ будутъ поименованы

Убѣжище для престарѣлыхъ
сценическихъ дѣятелей.

Пріютъ для дѣтей
сценическихъ дѣятелей.

фамиліи, имена и отчества всѣхъ, принявшихъ участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ.

Проживъ долгіе годы на сценѣ и для сцены, зная хорошо отзывчивость русскаго актера, я глубоко убѣжденъ, что мой призывъ будетъ встрѣченъ сочувственно. Русскіе актеры не могутъ забыть своихъ стариковъ и дѣтей.

И. О. Пальминъ.

Въ пользу Убѣжища и Пріюта поступило:

отъ И. О. Пальмина 10 руб.
„ А. Р. Кугеля 5 „

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Спектакли въ Консерваторіи возобновились. Труппа организовала товарищество. Во главѣ стоитъ Н. Н. Фигнеръ. Изъ оставшихся не у дѣла послѣ пожара Солодовникова театра артистовъ въ товарищество приглашены гг. Селявинъ, Варягинъ, Томскій и др.

— Ближайшая новинка Малаго театра новая пьеса Н. Ю. Жуковской, автора „Хаоса“—„Витязь“.

— Профессоръ Л. С. Ауэръ предпринялъ концертное турнѣ въ сѣверныя губерніи вмѣстѣ съ піанистомъ Іосифомъ Шварцемъ.

— Намъ передаютъ, что прис. пов. Полюновымъ предъявленъ къ клубу, владѣльцу „Новаго театра“ отъ имени игравшаго тамъ товарищества артистовъ подъ управленіемъ А. А. Санина искъ объ убыткахъ, такъ какъ одной изъ причинъ преждевременнаго прекращенія спектаклей товарищества явилось нарушеніе со стороны клуба контракта.

— И. Н. Потапенко написалъ пьесу въ 3-хъ дѣйствіяхъ подъ названіемъ „Сонъ“, которая предназначается авторомъ для интимнаго спектакля въ открывающемся вскорѣ Театральномъ клубѣ.

— Г. Дальскій ушелъ изъ „Пассажа“, разобидѣвшись на приглашеніе въ труппу г. Рутковского, артиста на то же ампуа. Артистъ заявилъ дирекціи о своемъ уходѣ передъ самымъ спектаклемъ (шелъ „Веселый пансіонъ“) и роль его передала другому артисту, который исполнялъ ее по тетрадкѣ.

— Злосчастный рокъ преслѣдуетъ комисіи, избранныя въ послѣднемъ общемъ собраніи Театральнаго Общества. Комисія по приему убѣжища и пріюта оказалась въ недостаточномъ числѣ вслѣдствіе отказа г. Погожева.

— Въ „Буффъ“ поставлена новая оригинальная оперетка „Ночь любви“.

— По слухамъ, дирекція императорскихъ театровъ для ознакомленія съ драматическими артистами лучшихъ провинціальныхъ городовъ намѣрена командировать бывшаго главнаго режиссера московскаго Малаго театра г. Кондратьева.

— Сокращеніе драматическихъ труппъ императорскихъ театровъ, какъ петербургскаго, такъ и московскаго, въ настоящее время уже окончательно выработано. Въ Александринскомъ театрѣ объявлено 28-ми артистамъ, что съ будущаго года они уже не служатъ. Въ Москвѣ артистамъ, подлежащимъ увольненію изъ Малаго театра, объ этомъ будетъ объявлено въ декабрѣ. Увольненію подлежитъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, большинство артистовъ выслужившихъ пенсію.

— Въ Москвѣ на дняхъ состоялось совѣщаніе писателей: Л. Андреева, Чирикова, Шоломъ-Аша и Юшкевича. Обсуждался вопросъ объ основаніи собственнаго театра на паяхъ, въ которомъ можно было бы ставить пьесы какъ собственныхъ, такъ и молодыхъ писателей, желающихъ войти въ число пайщиковъ. По свѣдѣніямъ „Гол. Москвы“, въ число пайщиковъ пожелали войти

и многіе московскіе меценаты. Главный пайщикъ П. П. Рябушинскій. Труппу для театра учредители намѣчаютъ набрать изъ провинціальныхъ актеровъ. Режиссеромъ предполагается А. А. Санинъ.

Для спектаклей намѣчаютъ театр „Буффъ“ въ Москвѣ.

— На дняхъ артисты сгорѣвшаго театра Солодовникова г-жа Томская и г. Дмитріевскій сняли нѣсколько провинціальныхъ театровъ для ряда оперныхъ спектаклей. Однако, отношеніе „погорѣльцевъ“ хора и оркестра къ дѣлу заставило ихъ послѣ трехъ данныхъ въ Смоленскѣ спектаклей прекратить дальнѣйшую поѣздку.

— Въ „Новомъ театрѣ“, по слухамъ, водворится кафешантанъ. Арендаторомъ театра явится извѣстный на югѣ директоръ „варьете“ А. Ф. Швамъ, который съ этой цѣлью пріѣзжалъ въ Петербургъ.

— Л. В. Селиванова, потрясенная смертью мужа, въ настоящее время состоитъ сестрой милосердія въ клиникѣ проф. Отта.

— Въ воскресенье состоялось общее собраніе членовъ Театральнаго клуба. Избрано въ дѣйствительные члены много артистовъ. Открытіе клуба въ роскошномъ помѣщеніи состоится въ концѣ этого мѣсяца.

— 11 ноября въ ресторанѣ „Вѣна“ состоялось чествованіе Г. К. Градовскаго, недавно вернушагося въ Петербургъ, послѣ 10-лѣтней болѣзни, державшей его внѣ литературы. Г. К. Градовскій заболѣлъ вскорѣ послѣ постановки своей пьесы „Во имя любви“ въ Маломъ театрѣ. Среди другихъ привѣтствій, Г. К. Градовскаго привѣтствовала ред. „Театра и Искусства“.

— Молодой беллетристъ, дебютировавшій въ прошломъ году серьезной пьесой, скрывшійся подъ псевдонимомъ Б. Греминъ, написалъ совмѣстно съ композиторомъ И. И. Чекрыгинымъ оперетку „Неронъ“—пародію на оперу того же названія. Оперетта, изобилующая музыкальными номерами, предполагается къ постановкѣ въ этомъ сезонѣ въ одномъ изъ петербургскихъ театровъ.

— По примѣру прошлыхъ трехъ сезоновъ 22-го ноября въ залѣ Общества Гражданскихъ Инженеровъ (Серпуховская 10) состоится открытіе музыкально-литературныхъ вечеровъ „Искорка“, организуемые дважды въ мѣсяцъ г-жею Соважъ-Комаровой съ цѣлью дать возможность выступить передъ публикой молодымъ, начинающимъ талантамъ.

— „Босоножка“ миссъ Айседора Дунканъ, послѣ долгаго отсутствія, снова пріѣзжаетъ въ декабрѣ въ Россію, на этотъ разъ для турнѣ: Петербургъ—Москва—Кіевъ—Одесса. Въ „репертуаръ“ Дунканъ включенъ, между прочимъ, Чайковскій,

изъ сочиненій котораго она будетъ „танцовать“ не только всѣ популярныя фортепіанныя пьесы, но и романсы (?) и даже... знаменитую „Патетическую симфонію“.

* * *

Московскія вѣсти.

— „Гол. Москвы“ сообщаетъ, что на собраніи монархистовъ одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ, что пожаръ солодовниковаго театра — „Божья кара“ за допущеніе въ „Снѣ на Волгѣ“ гримировки одного артиста „Серафимомъ Саровскимъ“.

— Пьеса „Пробужденіе весны“ запрещена къ дальнѣйшей постановкѣ на сценѣ театра Корша, какъ сообщаетъ „Голосъ Москвы“, за нарушеніе цензурнаго устава. Были исполнены всѣ сцены, выброшенныя цензурой. Для другихъ же сценъ въ Москвѣ эта пьеса разрѣшается къ представленію по утвержденному цензурой экземпляру.

Какъ слышала газета, г. Коршъ хлопочетъ о разрѣшеніи дальнѣйшаго представленія пьесы „Пробужденіе весны“ по цензуранному сокращенному экземпляру.

— Послѣ снятія съ репертуара Александринскаго театра „Короля“ Юшкевича, дирекція отказалась отъ постановки этой пьесы и въ Маломъ театрѣ.

— Дирекція за полную обстановку оперы „Садко“ запросила съ г. Дягилева 30,000 рублей.

— Въ театрѣ „Акваріумъ“ начались спектакли труппы мусульманскихъ драматическихъ артистовъ. Первымъ спектаклемъ шла на татарскомъ языкѣ драма мусульманскаго писателя „Жизнь съ тремя женами“.

* * *

† Н. А. Борисовъ. Въ Уфѣ скончался антрепренеръ Н. А. Борисовъ отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

* * *

Сформировалось товарищество „драма и фарсъ“ поѣздка по Закаспійскому краю. Въ составъ товарищества вошли: г-жи Азарова М. А., Болеславская А. Б., Кузнецова Н. М., Петрова-Докучаева А. А.; гг. Ангилѣевъ М. И., Аполлонскій, К. А., Гутьяръ А. М., Рыбаковъ А. М., Свѣтловъ А. С. Репертуаръ: „Жизнь человѣка“, „Пробужденіе весны“, „Богъ мести“, „Сестра Беатриса“ и модные фарсы. Режиссируетъ А. М. Гутьяръ. Товарищество начало спектакли въ Петровскѣ 18 го октября, затѣмъ въ Красноводскѣ, Кизиль-Арватѣ, дальше помѣчены города: Асхабадъ, Меръ, Чарджуй, Бухара, Самаркандъ, Фергана, Ташкентъ и съ Рождества въ г. Вѣрномъ.

* * *

19 сего ноября въ Козловскомъ зимнемъ театрѣ предполагается чествованіе артиста Михаила Александровича Майкова, по случаю двадцатипятилѣтія его сценической дѣятельности.

М. А. Майковъ.

(Къ 25-лѣтію сценической дѣятельности).

М. А. сценическую дѣятельность началъ въ 1882 году, въ гор. Вердянскѣ, въ труппѣ Н. И. Уварова. Служилъ въ слѣдующихъ городахъ: Керчь, Новороссійскъ, Тифлисъ, Симферо-

поль, Мариуполь, Севастополь, Воронежъ, Псковъ, Минскъ, Житомиръ, Витебскъ, Н.-Новгородъ, Рига, Кишиневъ, Одесса и друг.

Въ настоящее время М. А. служить въ Козловскомъ зимнемъ театрѣ, дирекціи Х. К. Лаврецкаго, занимая амплуа перваго резонера и характерныя роли.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы**: Второй мѣсяцъ опернаго сезона столь же мало интересенъ, какъ и первыи. Опера г. Зимина поставила quasi новинку „Колоколь пустыни“, оперетку муз. Мельяра, извѣстную Москвѣ подъ названіемъ „Виларскіе драгуны“. Цѣль ея постановки—непонятна. Какъ музыкальное произведеніе—это вещь слабая во всѣхъ отношеніяхъ, и серьезному театру не слѣдовало бы ея ставить. Пѣвцамъ въ ней работы не много, актерамъ также, виденъ въ постановкѣ одинъ только режиссеръ.

А вотъ спектакль. 24 октября, въ томъ же театрѣ,—это свѣтлая страница въ исторіи дѣятельности театра С. И. Зимина. Въ этотъ вечеръ была поставлена опера Сент-Санса „Самсонъ и Далила“, подъ управленіемъ Эдуарда Колонна. Москва знала маститаго капельмейстера только по симфоническимъ концертамъ, а теперь, благодаря г. Зимину, Москва имѣла возможность познакомиться съ г. Колонномъ, какъ опернымъ капельмейстеромъ. Музыка Колонна—величественна, жизненна, правдива. Впечатленіе—огромное.

А дальше? Дальше рядъ оперъ: „Орлеанская дѣва“, „Заза“, „Травиата“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Лакме“, „Пиковая дама“, „Севильскій цирюльникъ“, „Сынъ Мандарина“ и „Риголетто“, которыя въ достаточной степени ставились и въ прошломъ и этомъ сезонѣ. Правда, дирекція театра общается въ текущемъ мѣсяцѣ много новаго и интереснаго. Пойдетъ „Карменъ“ въ совершенно новомъ видѣ,—съ прозой; пойдутъ „Гугеноты“ въ новой обстановкѣ и постановкѣ, съ капельмейстеромъ г. Куперомъ, который послѣ пожара солодовниковаго театра перешелъ на службу къ г. Зимину; пойдутъ также „Сказки Гофмана“ и „М-те Бутерфлей“. А пока что—дѣла въ театрѣ г. Зимина хорошіе, сборы все время почти полные. Несомнѣнно, публика поняла, что Новому театру, его представителю и труппѣ вѣрить можно.

Солодовниковскій театр... no de mortuis aut bene aut nihil! Большое несчастье, обрушившееся на труппу, отодвинуло на послѣдній планъ все нелѣпое и смѣшное—что творилось въ этомъ театрѣ. Сейчасъ все забыли, сейчасъ только и думаютъ, какъ бы помочь пострадавшимъ отъ пожара, какъ бы облегчить имъ существованіе до выхода изъ ужаснаго положенія. Кой-кому изъ труппы посчастливилось: гг. Куперъ и Эрнстъ служатъ въ оперѣ г. Зимина, г. Улухановъ уѣхалъ къ г. Эйхенвальду въ Казань, остальные же—хоръ, оркестръ и артисты—безъ ангажементовъ. Благотворительность охотно и широко пошла навстрѣчу пострадавшимъ отъ пожара и пока дала такіе результаты: спектакль въ театрѣ г. Зимина—2500 р. Концертъ въ Консерваторіи—270 р. Спектакль въ „Студіо“—36 р. 23 к. Спектакль у Корша—332 р. Спектакль въ Большомъ театрѣ—1,800 р. Пожертвовано Литературно-Художественнымъ кружкомъ 3,000 р. Собрано по подпискѣ въ нѣмецкомъ клубѣ 170 р.—всего въ общемъ 7,731 р. 23 к. А длѣтъ-то эту сумму придется на 242 человѣка и прожить многимъ изъ труппы на полученныя деньги предстоитъ до Великаго поста. Вотъ гдѣ весь ужасъ положенія! Гг. сценическіе дѣятели, не пора ли подумать серьезно о кассѣ взаимопомощи или эмеритальной? Не пора ли перестать быть въ зависимости отъ частной благотворительности при возможныхъ въ будущемъ пожарахъ стихійныхъ и пожарахъ предпринимательскихъ. Устраивайте судьбу свою сами, не надѣйтесь на „авось“ и на помощь „изъ внѣ“!

Н. Н.

* * *

„Отставка“ г. Мейерхольда была обставлена съ нѣкою нарочитою торжественностью и дѣланною театральностью. Самъ г. Мейерхольдъ въ письмѣ въ ред. „Руси“ пишетъ:

„Съ осени 1906 г. состоя режиссеромъ „Драматическаго театра“ В. Ф. Коммиссаржевской и участвуя до послѣдняго времени въ засѣданіяхъ „художественнаго совѣта“ при театрѣ, я никогда не былъ въ принципиальномъ разногласіи ни съ В. Ф. Коммиссаржевской, ни съ другими членами совѣта. Поэтому совершенно неожиданными для меня явились слѣдующія событія.

8-го ноября труппа получила оповѣщеніе о назначаемомъ экстренномъ собраніи ея на слѣдующій день, безъ объявленія предмета совѣщанія.

9-го ноября за два часа до собранія я получилъ отъ В. Ф. Коммиссаржевской письмо такого содержанія:

„За послѣдніе дни, Всеволодъ Эмильевичъ, я много думала и пришла къ глубокому убѣжденію, что мы съ вами разнo смотримъ на театръ, и того, чего ищите вы, не ищу я. Путь, велущій къ театру куколъ, это путь, къ которому вы шли все время, не считая такихъ постановокъ, въ которыхъ вы соединили принципы театра „старого“ съ принципами маріонетокъ

(например, „Комедія любви“ и „Побѣда смерти“). Къ моему глубокому сожалѣнію, мнѣ это открылось вполне только за послѣдніе дни послѣ долгихъ думъ. Я смотрю будущему прямо въ глаза и говорю, что по этому пути мы вмѣстѣ идти не можемъ, путь этотъ вашъ, но не мой, и на вашу фразу, сказанную въ послѣднемъ засѣданіи нашего художественнаго совѣта: „можетъ быть мнѣ уйти изъ театра“—я говорю теперь—да, уйти вамъ необходимо. Поэтому я болѣе не могу считать васъ моимъ сотрудникомъ, о чемъ просила К. В. Бравича сообщить труппѣ и выяснить ей все положеніе дѣла, потому что не хочу, чтобы люди, работающіе со мной, работали съ закрытыми глазами. В. Коммиссаржевская“.

На собраніи В. Ф. Коммиссаржевская прочитала копію посланнаго мнѣ письма, а К. В. Бравичъ сдѣлалъ докладъ, въ которомъ подробно развилъ все то, что кратко сказано въ письмѣ.

Вопросъ о внезапно для В. Ф. Коммиссаржевской и, въ особенности, для меня выплывшемъ разногласіи во взглядахъ на задачи театра оставляю въ сторонѣ. Но то, что В. Ф. Коммиссаржевская пригласила меня выйти изъ состава труппы среди сезона, и форму, которую она для этого избрала, считаю несогласными съ правилами театальной этики. Удаленіе изъ состава труппы среди сезона кого-либо изъ ея членовъ можетъ быть вызвано лишь неблаговидными поступками его.

Кромѣ того, мотивы, приведенные въ письмѣ В. Ф. Коммиссаржевской, совершенно не соотвѣтствуютъ истинѣ: еще на послѣднемъ засѣданіи художественнаго совѣта я заявилъ—и со мной соглашались, что путь къ театру маріонетокъ—не мой путь. Очевидно, В. Ф. Коммиссаржевская руководствовалась не столько „принципіальными“ соображеніями, сколько соображеніями иного порядка, о которыхъ она предпочла умолчать.

Такъ же точно вражды среди артистовъ, мѣшающей работать, о которой говорилъ въ своемъ докладѣ К. В. Бравичъ, на самомъ дѣлѣ не было, что показало голосованіе, происшедшее по этому вопросу на засѣданіи труппы 10-го ноября: труппа единогласно высказалась, что вражды, мѣшающей совместной работѣ, не было.

Чувствуя себя оскорбленнымъ столь некорректнымъ поступкомъ В. Ф. Коммиссаржевской, приглашаю ее къ суду чести.

Судьями съ моей стороны будутъ Ф. К. Сологубъ и О. В. Фридлибъ, которымъ и прошу В. Ф. Коммиссаржевскую сообщить имена своихъ судей“.

Г-жа Коммиссаржевская, съ своей стороны, назначила въ качествѣ судей А. В. Тыркову и Г. Вольфсона.

* * *

Марининскій театръ. Прощальный бенефисъ М. М. Петипа. Первый дебютъ артистки былъ свыше тридцати лѣтъ тому назадъ въ 1876 г. Предѣльный срокъ балетной службы обыкновенно опредѣляется въ двадцать лѣтъ; природа и дирекція сдѣлали исключеніе для М. М. Петипа, надбавивъ еще одну земскую давность, и все-таки на прощаньи казалось, что уходитъ М. М. Петипа преждевремененъ.

Припоминаются слѣдующіе танцы, исполнявшіеся М. М. Петипа: венгерскій въ „Лебединомъ озерѣ“, польскій въ „Жизни за Царя“, индусскій въ „Баядеркѣ“, италіанскій въ „Наядѣ и рыбацкѣ“, лезгинка въ „Русланѣ“, малороссійскій въ „Конькѣ горбункѣ“ и испанскій въ „Раймондѣ“.

Не смотря на подобное интернаціональное разнообразіе, М. М. Петипа умѣла придать каждому изъ нихъ особую колоритность и каждый изъ нихъ балъ, такъ сказать, хореографически автономенъ. Удавались ей также небольшія жанровыя сценки, напримеръ, въ малороссійскомъ танцѣ въ „Конькѣ-горбункѣ“ и очень эффектной была она въ роли „Фей сирены“ въ „Спящей красавицѣ“.

Прощаніе носило торжественный и трогательный характеръ. М. М. Петипа получила вѣнки отъ разныхъ труппъ Императорскихъ театровъ, сопровождавшихся складно и нескладно сказанными привѣтствіями, и три подарка отъ публики.

М.

* * *

„Пассажъ“. „Веселая вдова“ въ Пассажѣ нашла себѣ еще одну новую исполнительницу въ лицѣ вновь приглашенной примадонны Валентины Пюнтковской. Намъ пришлось слышать ее прошлымъ сезономъ въ провинціи и, увы, мы должны сознаться, что г-жа Пюнтковская явилась въ Петербургъ съ замѣтными слѣдами усталости въ симпатичномъ и достаточно обработанномъ голосѣ. Зато артистка блеснула роскошными туалетами и бойкимъ изяществомъ живой игры. Пріятно также отмѣтить отсутствіе у нея той пошловатой вульгарности, какая сейчасъ въ опереттѣ чуть ли не возводится въ „перлъ созданія“. Достаточно посмотреть, съ какой граціей и безъ тѣни сальной утрировки артистка танцуетъ „матчишъ“—чтобы убѣдиться въ этомъ. Ея успѣхъ былъ бы еще ярче, если бы не безнадежно-слабый партнеръ—изрядно отяжелѣвшій г. Рутковский, которому положительно пора переходить на комическое амплуа. Очень неваженъ и г. Свѣтлановъ;

остатки „былого величія“ звучатъ у него весьма уныло. Сборъ былъ (мы присутствовали на третьемъ представленіи) далеко неполный.

Вольмаръ.

* * *

Малый театръ. Послѣ „Сфинкса“ со сцены Малаго театра прозвучали остроумныя, серьезныя слова интересной драмы І. Колышко „Дѣльцы“, почему-то шедшей здѣсь подъ названіемъ „Смерчъ“.

Инженеръ Бѣльскій управляетъ каменноугольными копями, принадлежащими „свѣтской дамѣ“ Муратовой. Слабая, недалекая женщина совершенно подпала подъ его вліяніе, такъ что настоящимъ хозяиномъ дѣла является собственно Бѣльскій. Это человѣкъ новѣйшей формаціи, нищенскаго типа, не признающій никакихъ преградъ на пути къ своимъ цѣлямъ и достигающій ихъ даже цѣною крови. Единственно, чѣмъ онъ руководится въ жизни это—математика и трудъ. Все остальное, включая сюда и человѣческую существованія—считаетъ вздоромъ. Противъ этого „дѣльца“ возстаетъ дочь Муратовой, Вѣра, умная, энергичная дѣвушка. Несмотря на внѣшнюю ненависть—она и Бѣльскій инстинктивно привлечены другъ къ другу, какъ родственныя по силѣ и яркости натуры.

Конкурентомъ Бѣльскаго въ эксплуатаціи копей—является миллионеръ Рожновъ, сынъ котораго, Евстафій, влюбленный въ Вѣру, побывавъ въ Англіи, заразился тамъ кое-какими социальными идеями и поставилъ своѣдѣло на европейскую ногу. Управляющимъ у Рожнова служилъ Сафоновъ—непримиримый врагъ Бѣльскаго по личнымъ мотивамъ. Постепенно весь успѣхъ предпріятія переходитъ на сторону Рожнова и единственнымъ спасеніемъ для Муратовой является соглашеніе съ миллионеромъ. Однимъ изъ средствъ такого соглашенія оказывается бракъ Вѣры съ Евстафіемъ—но противъ этого внезапно, въ ущербъ всему дѣлу, возстаетъ Бѣльскій, впервые почувствовавшій, что такое истинная страсть и рѣшившій добиться Вѣры, хотя бы черезъ трупъ ея матери, которую никогда не любилъ. Вѣра, почти окончательно побѣжденная обаяніемъ „сверхчеловѣка“,—узнѣтъ о его отношеніяхъ къ ея матери и разрывается между презрѣніемъ и любовью. Въ это же время, подстрекаемые Сафоновымъ и сами озлобленные жестокостію Бѣльскаго, рабочіе поднимаютъ противъ него бунтъ и грозятъ смертью.

Случайно спасшись отъ разъяренной толпы—Бѣльскій погибаетъ отъ руки Сафонова, давно жаждущаго его гибели.

Произведеніе г. Колышко проникнуто, въ идейномъ смыслѣ, безпощадной, горькой правдой нашихъ дней, переоцѣнившихъ старую цѣнность и еще не отыскавшихъ новыя. Авторъ показываетъ различныя міровоззрѣнія, не отдавая предпочтенія и не навязывая зрителю ни одного изъ нихъ. Въ Маломъ театрѣ пьеса шла съ значительными сокращеніями, что послужило ей только въ пользу, ибо авторъ не избѣгнулъ обычнаго всѣмъ драматургамъ-публицистамъ недостатка: многословія.

Живо обрисованы, Бѣльскій, Сафоновъ, Вихляевъ—пріятель молодого Рожнова, яркій представитель эстетско-дегенерата. Очень хороши Вѣра и ея мать—изображающія два, такъ сказать, противоположныхъ полюса „вѣчно женственнаго“. Оба Рожновы и Зайцевъ—техники, помощники Бѣльскаго—меньше удались автору. Образы ихъ мало выдержаны. Нѣкоторой нарочитостію страдаетъ и весь народный элементъ произведенія. Но эти мелкіе недочеты мало вредятъ этой яркой и оригинальной пьесѣ.

Г. Баратовъ, исполнявшій центральную роль Бѣльскаго, нашелъ удачный гримъ и внѣшнимъ обликомъ очень походилъ къ типу красиваго хищника. Въ началѣ онъ излишне подчеркивалъ „демонизмъ“ Бѣльскаго и злоупотреблялъ мимикой, но къ концу пьесы—вполнѣ овладѣлъ ролью и сцену объясненія съ Вѣрой—кстати—одну изъ лучшихъ, провелъ искренно и горячо. Недуренъ, хотя нѣсколько однообразенъ, г. Хворостовъ-Сафоновъ. Г. Блюменталь-Тамаринъ напрасно утрировалъ и безъ того достаточно парадоксальный образъ Кости Вихляева, „позитивиста, помноженнаго на романтика“. Здѣсь необходимы болѣе тонкіе штрихи. Хорошъ—г. Діевскій—Зайцевъ—издерганный, половинчатый, безвольный юноша. Интересенъ г. Шмидгофъ—въ роли англазированнаго купчика Евстафія Рожнова. Очень типиченъ г. Мячинъ—штейгеръ Савелій. Г-жа Холмская въ красивыхъ, мягкихъ, правдивыхъ тонахъ изображала Муратову. Цѣлый, яркій образъ дала г-жа Миронова—Вѣра.

Постановка г. Гловацкаго тщательна и обдуманна. Превосходна декорация послѣдняго дѣйствія—лунная ночь въ шахтахъ.

Пьеса имѣла большой успѣхъ. Автора и исполнителей безъ конца вызывали.

З. Б.

Письма въ редакцію.

М. г. Въ № 40 Вашего журнала была помѣщена замѣтка изъ Казани о приглашеніи на мѣсто г-жи Калиновской г-жи Поляковой безъ выясненія причины этой замѣны.

Причина та, что предъ началомъ сезона я заболѣла, вслѣдствіе чего и должна была отказаться отъ службы. Теперь же я совершенно оправилась.

Прим. и пр. *Н. Е. Калиновская.*

М. г. Въ видахъ возстановленія истины не откажите напечатать нижеслѣдующія строки.

Въ №№ 42 и 44 журнала „Театръ и Искусство“ есть сообщеніе, что г. губернаторъ запретилъ постановку пьесы „Братья-помѣщики“ на сценѣ Тульского драматическаго театра О. П. Зарайской. На самомъ дѣлѣ была лишь попытка снять ее съ репертуара, но такъ какъ я сейчасъ же возбудилъ ходатайство передъ г. начальникомъ губерніи, то запрещеніе было немедленно снято и пьеса осталась въ репертуарѣ.

Прим. и пр. Отвѣтственный администраторъ театра г-жи Зарайской *К. К. Омигъ.*

М. г. „Нѣкій Б.“, по поводу статьи въ послѣдн.мъ 44-мъ № журнала „Театръ и Искусство“ относительно дѣлъ Союза сценическихъ дѣятелей и какой-то суммы, „кажется свыше 50 руб.“, переданной, якобы, этимъ „Б.“ г. Кугелю, — долгомъ считать поставить въ извѣстность уважаемаго А. Р. Кугеля о нижеслѣдующемъ:

Недѣли 3 тому назадъ (а можетъ и мѣсяцъ — хорошо не помню) я, при препроводительной бумагѣ Центрального правленія Союза сценическихъ дѣятелей — съ просьбой, „дать надлежащія объясненія“ — получилъ копію заявленія артиста А. М. Самарина-Волжскаго въ Союзъ съ запросомъ о какой-то суммѣ въ 50 руб., оставшейся въ Смоленскомъ кружкѣ объединенія, и переданной мною, казначею кружка, — не по назначенію А. Р. Кугелю. Отъ запроса правленія и заявленія г. Самарина-Волжскаго я обалдѣлъ.

Въ Центральное правленіе — на оборотѣ препроводительной — „надписью“ я черезъ два дня официально отвѣтилъ слѣдующее:

„Въ сезонъ 1905/6 г. въ бытность мою режиссеромъ-распорядителемъ театра Смоленскаго народнаго дома дѣйствительно членами труппы, послѣ 17 октября въ дни свободъ, митинговъ и забастовокъ, былъ образованъ кружокъ объединенія во главѣ съ предсѣдателемъ А. М. Самаринымъ-Волжскимъ, казначею былъ — я. Наличность кассы состояла изъ членскихъ взносов, % отчисленій изъ жалованья, а въ концѣ зимняго сезона пополнилась сборомъ со спектакля даннаго въ г. Рославль Смол. губ. съ разрѣшенія директора Смоленскаго народнаго дома.

Но — кончился сезонъ — и прикончилось существованіе группы объединенія. Благія намѣренія кружка остались въ сторонкѣ, а касса согласна рѣшенію общаго собранія, съ участіемъ г. Самарина-Волжскаго, была съ удовольствіемъ раздѣлена между объединившимися участниками. % съ какого-то, не то остатка, не то остатокъ съ какого-то раздѣленного % — та въ суммѣ кажется двухъ руб. 50 к. (2 р. 50 к.) остался у меня и долженъ былъ пойти на усиленіе средствъ несуществующаго тогда Союза сценическихъ дѣятелей. Не зная куда пристроить эти 2 р. 50 к., я просилъ г. Самарина-Волжскаго освободить меня отъ этихъ денегъ, на что получилъ отъ него разрѣшеніе распорядиться ими благотворительно по личному усмотрѣнію, что и сдѣлалъ постомъ же, отдавъ эти деньги въ бюро двумъ голоднымъ актерамъ. Заявленія г. Самарина-Волжскаго я положительно не понимаю. Откуда приуменьшалъ бывший предсѣдатель 4 мѣсяца продержавшагося и уже 2 года не существующаго кружка объединенія сумму въ 50 р.? — не понимаю.

При чемъ тутъ А. Р. Кугель? — не знаю.

Прошу сообщить мнѣ адресъ г. Самарина-Волжскаго“.

Вотъ что я написалъ правленію Союза. Дальше: 1) до сихъ поръ адреса г. Самарина-Волжскаго правленію мнѣ не сообщило, 2) недѣли 1½ тому назадъ изъ „Театра и Искусства“ я узналъ, что предсѣдатель г. Самаринъ-Волжскій служитъ у г. Онѣгина въ Нахичевани-на-Дону. Написалъ — ни слуху-ни духу. Желательно бы было, все-таки для прекращенія этой союзной „тягомотины“, чтобы почтенная предсѣдательница Союза выяснила перепиской съ непочтеннымъ (молдымъ) бывшимъ г. предсѣдателемъ Смоленскаго под-союза наше похмѣлье въ чужомъ пиру.

Пользуясь случаемъ засвидѣтельствовать Вамъ свое почтеніе. Артистъ Одесскаго городскаго театра

Макарь Семеновичъ Бординъ.

Малехкая хрочика.

*** Въ газетѣ „Своб. Мысли“ помѣщено лирико-сентиментальное письмо „сотрудницъ и сотрудниковъ“ Драматическаго театра:

„Жестокая рука выхватила его изъ нашей среды, разбила его стремленія, его мечту. Свою созрѣвшую идею онъ въ чистотѣ довѣрилъ „Драматическому театру“, который, принявъ ее, не далъ возможности довести до конца, а истрепавъ оттолкнулъ отъ себя, не задумываясь, какая трагедія внесена этимъ въ душу человѣка, котораго не поняли и не оцѣнили. И мы съ грустью оглядываемся вокругъ себя съ смутной надеждой вновь увидѣть его милое хрупкое лицо, услышать ласковый, вдумчивый голосъ; но его нѣтъ, онъ не работникъ съ нами больше. Ему сказали“... (?)

Стиль этого письма очень напоминаетъ „губернское стихотвореніе“, которое цитируется въ „Мертвыхъ душахъ“:

Двѣ голубки принесутъ мнѣ бѣдный прахъ
Сказавъ, что утонулъ въ слезахъ...

Гораздо лучше было бы, если бы вмѣсто 20 анонимовъ, разливающихся въ слезахъ, нашелся бы хотя одинъ „сотрудникъ“, который бы мужественно заявилъ дирекціи, что онъ думаетъ. Но такого храбреца не нашлось...

*** Намъ пишутъ: „Послѣ статьи въ „Витебск. губ. Вѣд.“ Е. А. Бѣляеву запретили постановку „Пробужденія весны“, „Черныхъ вороновъ“ и „Эроса и Психеи“, какъ произведеній безнравственныхъ.“

Ища „нравственныхъ“ пьесъ, г. Бѣляевъ остановился на „Амурѣ и К.“. Администрація выборомъ осталась очень довольна“.

*** Находчивый актеръ. Въ „Гугенстахъ“ у Рауля есть приблизительно такая фраза, съ которой онъ обращается къ Валентинѣ:

„О ты, въ малиновомъ беретѣ“.

По ошибкѣ актриса надѣла зеленый беретъ. Актеръ не растерялся и увѣренно спѣлъ:

„О ты, въ зеленомъ беретѣ“.

*** Надняхъ въ петербургскомъ сѣздѣ мировыхъ судей разсматривалось очень любопытное въ бытовомъ отношеніи дѣло по иску газетнаго сотрудника Васильковскаго къ нѣкоему Михайлову, интендантскому чиновнику, въ 200 р. за „работу“. Работа эта состояла въ сочиненіи рекламъ и проспектовъ для г. Михайлова, намѣреваващагося издать „Альбомъ первой русской портретной галлерей сценическихъ дѣятелей“, причемъ цѣна за „альбомъ“ была назначена въ 100, 200, 350 и 450 руб.! Зато актерамъ предоставлялось выбирать „цвѣтъ клише“, а также „виньетку (стили)“, но въ размѣрѣ, „не превышающемъ суммы“. Едва ли не самое любопытное — это то, что тотъ „альбомъ“ устраивался отъ имени „комитета общества братьевъ милосердія во имя Христа“, „самоотверженно трудившихся на поляхъ Манчжуріи“. Не въ первый разъ мы сталкиваемся здѣсь съ „прокатомъ“ благотворительныхъ учреждений...

Въ качествѣ экспертовъ были приглашены гг. А. Р. Кугель, Вакуловскій и К. К. Витарскій. Послѣдній не явился. Эксперты установили „работу“ г. Васильковскаго, и судъ присудилъ ему 200 р. Характерно, что г. Михайловъ отказался платить на томъ основаніи, что г. Васильковскій обязанъ былъ сѣздить въ Крестовскій садъ для переговоровъ по дѣлу „галлерей“, но не поѣхалъ почему-то...

Въ общемъ, картинка нравовъ...

*** Киевскій антрепренеръ И. Э. Дуванъ-Торцовъ прислалъ намъ замѣчательный въ своемъ родѣ документъ-письмо къ нему мѣстнаго агента драматическихъ писателей:

„Г-жа Пасхалова не уплатила обществу русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ тридцать (30) рублей авторскаго гонорара за спектакли игранные 4 и 8 дня апрѣля 1906 г. въ театрѣ „Соловцовъ“ и состоявшие изъ разсказовъ г. Чехова „Миніатюры“.

За полученіемъ этихъ денегъ я неоднократно обращался къ г-жѣ Пасхаловой и, какъ вамъ извѣстно, г-жа Пасхалова отказалась уплатить.

По правиламъ (кто эти „правила“ выдумалъ? Смѣемъ думать, что въ уставѣ этихъ „правиль“ нѣтъ и быть не можетъ) общества русскихъ драматическихъ писателей тѣмъ труппамъ, въ которыхъ находятся должники общества, не разрѣшается постановка пьесъ членовъ указаннаго общества впредъ до полученія долга.

Въ виду этого и руководствуясь письмомъ г. секретаря общества русскихъ драматическихъ писателей за № 1859, покорнѣйше прошу васъ оказать мнѣ содѣйствіе въ полученіи 30 руб. авторскихъ съ г-жи Пасхаловой; въ противномъ случаѣ, если я не получу указанныхъ денегъ, вынужденъ буду запретить вамъ постановку пьесъ членовъ обществу русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ“.

Что это за круговая порука? Пользуясь своей силой, хватать за горло — достойно-ли учрежденія, именующаго себя обществомъ писателей?...

Конечно, общество драматических писателей есть коммерческое учреждение, назначение коего успѣшно взыскивать гонораръ.

Конечно, понятно рвеніе г. секретаря, получающаго проценты съ поступающаго гонорара. Все-же не слѣдуетъ забывать, что члены этого общества не купцы 2-й гильдіи и не приказчики изъ моднаго магазина, у которыхъ также есть своя этика.

Странно, какъ это до сихъ поръ извѣстные писатели, состоящіе членами этого общества, не обратятъ должнаго вниманія на „выходки“ правленія общества.

Музыкальныя замѣтки.

У петербургской публики есть нѣсколько любимцевъ, которыми она покланяется съ восторженнымъ благоговѣніемъ. Къ числу этихъ кумировъ, безспорно, принадлежатъ г. Никишъ. Его обожаютъ. На него молятся. Стоитъ только объявить концертъ съ его участіемъ—и вы заранее можете быть увѣрены, что залъ не въ состояніи будетъ вмѣстить всѣхъ алчущихъ туда попасть. Замѣтите еще: это не mimo-летняя любовь. Г. Никишъ давно еще завоевалъ симпатіи нашей публики, и эти чувства, съ теченіемъ времени, не только не охладѣли, а скорѣе наоборотъ, стали еще прочнѣе, несмотря даже на появленіе другихъ дирижеровъ, которые, пожалуй, стоятъ и повыше Никиша,—какъ, напримѣръ, Малеръ. Петербургская публика, давно извѣстно, дама постоянная во всѣхъ отношеніяхъ. Она своимъ фаворитамъ вѣрна до гроба. Такое постоянство чувствъ поистинѣ трогательно. Менѣе достойно восхищенія постоянство г. Никиша... по части программъ.

Онъ не выходитъ изъ заколдованнаго круга весьма ограниченнаго числа произведеній. Неужели свѣтъ клиномъ сошелъ на двухъ-трехъ сочиненій Чайковского, Вагнера и Бетховена?.. Удивительнѣе всего, что у себя, въ Германіи, г. Никишъ далеко не такой консерваторъ. Мнѣ приходилось его слышать за границей. Какія интересныя программы! Какой подборъ новыхъ произведеній! А у насъ?.. Опять 5 ая симфонія Чайковского, опять вакханалія изъ „Тангейзера“ по парижской передѣлкѣ, да еще какая нибудь изъ заигранныхъ вещей Вагнера, опять какая нибудь увертюра Бетховена. Согласитесь, это скучно даже въ превосходномъ исполненіи, которыми всегда блещетъ г. Никишъ. Нельзя также и удивляться рутинности устроителей этихъ концертовъ. Неужели, выпиывая изъ-за границы такого превосходнаго дирижера, нельзя заодно выработать и программу интересную? Или разъ полный сборъ все равно обезпеченъ, незначѣмъ ломать благородную голову надъ какими-то программами?.. Или, можетъ быть, ломать голову—дѣло не для всѣхъ посильное?..

Какъ-бы то ни-было, но концертъ оркестра Императорской Русской оперы, устроенный въ Маріинскомъ театрѣ 10-го ноября, подъ управленіемъ г. Никиша, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться художественнымъ событіемъ, прошелъ незамѣтно, не оставивъ по себѣ въ музыкальной лѣтописи никакого слѣда. И все это благодаря заѣженной программѣ. А жалъ, очень жалъ. Такой оркестръ и такой дирижеръ... Чтобы тутъ можно было понадѣлать, при нѣкоторомъ желаніи и пониманіи... Ахъ, гг. устроители!.. Стыдно вамъ...

Въ тотъ самый вечеръ, когда въ Маріинскомъ театрѣ г. Никишъ услаждалъ слушателей неизмѣнно пятою симфоніею Чайковского,—рядомъ, въ консерваторіи, въ шредеровскомъ концертѣ подвизался другой нѣмецкій дирижеръ, г. Фридъ. Это еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но онъ уже теперь имѣетъ всѣ права считаться выдающимся дирижеромъ. Капельмейстерскою техникою онъ владѣетъ превосходно и, при огненномъ темпераментѣ, не лишенъ творчества въ истолкованіи.

Исполненная имъ g—dur'ная симфонія Гайдна (съ ударомъ литавръ)—произведеніе весьма интересное съ вариационной точки зрѣнія. Гайднъ обнаруживаетъ такое мастерство въ умѣнии владѣть вариационною формою, какою не обладалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Въ этомъ смыслѣ, упомянутая симфонія образуетъ прямой переходъ къ знаменитымъ бетховенскимъ вариациямъ на тему Дабелли. Первая часть симфоніи замѣчательна тѣмъ, что обработкѣ подвергаются не основныя темы, а четырехтактное вводное къ первой темѣ предложеніе. Въ превращеніяхъ и видоизмѣненіяхъ этой фразы Гайднъ выказываетъ неистощимую изобрѣтательность. Своей извѣстности, впрочемъ, симфонія обязана не этой части, а балгодаря невинному кунштюку во второй (Andante). Она начинается съ наивнѣйшей темы въ народномъ духѣ (разло-

женіе трезвучія на do), которая исполняется сперва въ піано а потомъ въ піаниссимо, и вдругъ, подобно грому средь яснаго неба, раздается оглушительный ударъ литавръ и весь оркестръ рокочетъ въ фортиссимо. При этомъ внезапномъ ударѣ нельзя не восторгнуться. Гайднъ этимъ эффектомъ хотѣлъ посмѣяться надъ лондонскою фешенебельною публикою, которая являлась въ концерты, послѣ роскошнаго обѣда, чтобы сладко подремать подъ музыку. Это такъ полезно для правильнаго пищеваренія. Сатира, какъ видите, довольно первобытная, но что въ томъ, коль она достигаетъ цѣли. Какъ часто и теперь хотѣлось-бы, чтобы композиторъ помощью какого нибудь трюка разбудилъ скучающихъ снотовъ, являющихся въ концерты для сладостнаго кейфа...

Вслѣдъ за этимъ tutti оркестръ успокаивается и вторая часть темы исполняется уже одними струнными, отчасти лишь при поддержкѣ флейтъ и валторнъ. Но посмотрите только какую богатую узорами ткань развиваетъ Гайднъ изъ этого первобытнаго мотива,—столь первобытнаго, что, въ сравненіи съ нимъ, самъ „чижикъ“ является сложною мелодіею. И какъ все это просто и ясно. Всѣ вариации граціозны, причудливы и восхитительны. Но особенно прелестна послѣдняя вариация съ органнымъ пунктомъ. Весьма интересна послѣдняя часть симфоніи (Allegro di molto), написанная въ формѣ рондо. Здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія контрапунктистическая разработка темъ. Вся симфонія залита лучами свѣтлой жизнерадостности. Такъ хотѣлось подольше бы поныжить въ этой атмосферѣ тихаго счастья и простодушной беззаботности!..

Если g—dur'ная симфонія Гайдна является подготовительною ступенію къ тому перевороту, который совершилъ Бетховенъ въ области вариационной формы, то вариация Брамса на тему Гайдна представляютъ собою огромный шагъ впередъ даже по сравненію съ Бетховеномъ. По силѣ изобрѣтательности, мелодической красотѣ и техническому мастерству, Брамсъ превзошелъ всѣхъ композиторовъ, пользовавшихся этою причудливою формою для художественныхъ цѣлей. Въ музыкальной литературѣ это произведеніе Брамса займетъ мѣсто рядомъ съ совершеннѣйшими образчиками творческаго генія.

Едва-ли когда-либо мужья преподносили своимъ женамъ такой подарокъ ко дню рожденія, какой сдѣлалъ Вагнеръ своей Козимѣ 25 декабря 1870 года. Можно сказать настоящій сюрпризъ. Вагнеръ жилъ тогда въ Трибшенѣ около Люцерна. Утромъ на лѣстницѣ виллы, занимаемой Вагнеромъ, выстроился небольшой оркестръ, въ которомъ знаменитый Гансъ Рихтеръ игралъ на трубѣ, и исполнилъ серенаду, въ честь дня рожденія Козимы. Дирижировалъ Вагнеръ, онъ же былъ и авторомъ серенады. Знаменитый композиторъ въ этомъ произведеніи хотѣлъ излить въ звукахъ свою радость и по поводу торжественнаго семейнаго событія, и въ особенности, по случаю недавняго рожденія Зигфрида. Поэтому, серенада названа „Siegfried-Idyll“. Пьеса писалась въ тайнѣ отъ Козимы и репетировалась въ Люцернѣ, для чего Гансъ Рихтеръ пригласилъ туда музыкантовъ изъ Цюриха.

Интимный характеръ „Идилліи“ наложилъ на нее особую печать. Во-первыхъ, это единственное произведеніе, написанное Вагнеромъ специально для оркестра и, притомъ, для маленькаго оркестра (струнный квинтетъ, флейта, гобой, 2 кларнета фагота, 2 валторны и трубы). Во-вторыхъ, она вся проникнута субъективнымъ характеромъ. Вагнеръ тогда уже написалъ свое „Тристана“ и заканчивалъ „Зигфрида“. Внутреннее удовлетвореніе художника сливалось въ немъ съ радостнымъ настроеніемъ личнаго счастья. Это былъ самый свѣтлый періодъ его жизни. Послѣ бурной жизни, полной невзгодъ и мученій, онъ впервые почувствовалъ себя утѣшеннымъ. Миръ снизошелъ на его душу. Это неизъяснимо-блаженное состояніе онъ отразилъ въ своей „Идилліи“ съ поразительною правдою выраженія. Безмятежное счастье умиротворенной души окутываетъ все произведеніе живою отрадою, чуждою волненій и стремленій. Бездушныя грезы причудливымъ роємъ проносятся въ свѣтломъ эфирѣ. Это какая-то сладкая Нирвана, безъ желаній и порывовъ, нѣкое созерцаніе умиленной души, тихое упоеніе блаженствомъ бытія, или, вѣрнѣе, прозябанія. Это, если можно такъ выразиться, Waldweben души. Вагнеръ и рисуетъ это созерцательно-свѣтлое настроеніе, какъ Waldweben.

Для „Идилліи“ Вагнеръ воспользовался мотивами изъ „Валькири“ и „Зигфрида“, старинною народною пѣсенкою („Schlaf, Kindlein, Schlaf“) и присочинилъ нѣсколько новыхъ темъ. Всѣ эти мотивы сплетаются вмѣстѣ, отражая слияніе радости творчества съ утѣхами личной жизни. Достойно изумленія, какъ изъ обрывковъ мотивовъ Вагнеръ образуетъ рядъ новыхъ мелодій. Это мелодическое развитіе мотивовъ является новою формою тематической разработки, которой никто не исполнялъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ Вагнеръ.

Г. Фридъ исполнилъ „Идиллію“ безподобно. Онъ выдвинулъ на первый планъ поэтичность настроенія и передалъ тихую созерцательность души съ изумительною правдою и богатствомъ красокъ. Изъ всѣхъ произведеній „Идилліи“ болѣе всего ему удалась. Судя по всему, поэтичныя сюжеты болѣе всего въ характерѣ дарованія этого дирижера, которому можно предсказать большую будущность. Въ остальныхъ пьесахъ ему

много мѣшали невольныя сравненія съ Малеромъ, который насъ приучилъ къ такой пластичности звука, о которой другіе дирижеры не могутъ и мечтать.

Любопытство публики было въ этомъ концертѣ крайне возбуждено участіемъ г-жи Неждановой, примадонны московской казенной оперы. Появленію этой пѣвицы предшествовали слухи самаго лестнаго свойства. О ней говорили, какъ объ артисткѣ первой величины. Слухи эти оправдались. Это, дѣйствительно, первоклассная вокальная звѣзда. У нея замѣчательное соргано *leggiere* съ тембромъ матоваго серебра. Голосъ не особенно сильный, но большой по діапазону и, притомъ, чарующей красоты. Интонація безукоризненной чистоты. Дикція превосходная. Фразируетъ артистка со вкусомъ. Благодаря теплomu ласкающему тембру голоса пѣніе г-жи Неждановой производитъ впечатлѣніе задушевности, но, на самомъ дѣлѣ, она поетъ, какъ и всѣ колоратурныя пѣвицы, довольно холодно. Крупнымъ недостаткомъ г-жи Неждановой является короткость ея дыханія. Благодаря этому, у нея страдаетъ кантилена и, особенно, филированіе звука. Говорятъ, что учитель г-жи Неждановой, профессоръ Мазетти, очень гордится своею ученицею. Безспорно, такая артистка сдѣлаетъ честь любому профессору. Но г-жа Нежданова едва-ли вправѣ гордиться своимъ учителемъ. Именно настоящей школы у нея и нѣтъ. Если бы къ ея голосовому материалу да прибавить отличную школу, изъ г-жи Неждановой вышла бы всесвѣтная дива.

Она спѣла очень хорошо, но безъ вокальной виртуозности, арію изъ „Волшебной флейты“. Нѣсколько слабѣе вышла у нея арія изъ „Ночи подъ Рождество“ Римскаго-Корсакова. Много вещей исполнила она на *bis*, изъ которыхъ наилучшее впечатлѣніе артистка произвела въ извѣстномъ романсѣ Чайковского „Забыть такъ скоро“.

Г-жа Нежданова имѣла огромный успѣхъ—и по праву. Ея удивительный голосъ можетъ вызывать только восхищеніе.

Г-жа Оленина д'Альгеймъ также принадлежитъ къ числу любимицъ петербургской публики,—по крайней мѣрѣ, извѣстной ея части. Артистка собираетъ всегда полный залъ и ей очень много и усердно аплодируютъ. Но не скажу, чтобъ это былъ успѣхъ художественный.

Помню ея первое выступленіе предъ петербургскою публикою. Русское музыкальное общество выписало ее изъ Парижа и устроило для нея специальный концертъ. Весь музыкальный Петербургъ заинтересовался пѣвицею. Увы, разочарованіе было жестокое и горькое. Оказалось, что у г-жи Слениной д'Альгеймъ нѣтъ ни голоса, ни школы. Пѣніе ея ученически-безпомощное и способно вызвать только недумѣніе. Авторитетная публика, собравшаяся въ этотъ вечеръ въ Маломъ залѣ Консерваторіи, вынесла пѣвицѣ единодушный и безпощадный приговоръ. Словомъ, полный провалъ...

Но тутъ случилось нѣчто, на первый взглядъ, странное, непонятное, но крайне любопытное, съ точки зрѣнія общественной психологіи. Въ нѣкоторой части печати началась изступленная вакханалія словословія по адресу пѣвицы.

Кампанію повелъ нынѣ покойный В. В. Стасовъ. Ему вторилъ Ц. А. Кюи. Громовымъ голосомъ іерихонской трубы Стасовъ возмѣщалъ публикѣ о прішествіи необыкновеннаго гения, явившагося повѣдать міру новыя словеса, и съ обычною грубою энергіею, идущаго на проломъ, взывалъ скорѣе познаться съ великимъ чудомъ. Ошеломленная бурнымъ натискомъ публика валомъ повалила на второй концертъ г-жи Олениной д'Альгеймъ и поддалась гипнозу. У артистки, кстати, оказались данныя, дѣйствительно способныя привлечь часть публики. У нея обнаружился недюжинный декламаторскій талантъ. Строго говоря, и въ этой сферѣ далеко не все ей доступно. Она отмежевала себѣ лишь маленькую межу, но въ этой области она себя чувствуетъ, какъ дома. Это—жанръ *Überbrettel*. Ему не мѣсто на художественныхъ подмосткахъ. Помощью элементарныхъ средствъ и первобытныхъ приѣмовъ, она превосходно рисуетъ простыя ощущенія, несложныя положенія, ясныя настроенія, поддающіяся изображенію двумя-тремя рѣзкими штрихами.

Г-жа д'Альгеймъ рисуетъ не красками, а углемъ, но она умѣетъ нѣсколькими грубыми мазками создать картину, не лишенную импрессионистской силы. Вы видали на открытыхъ сценахъ живописцевъ-моменталистовъ, рисующихъ въ нѣсколько минутъ цѣлую картину? Къ этому же разряду относится и дарованіе г-жи Олениной-д'Альгеймъ.

И вотъ, въ то время, какъ артистка вызываетъ глубокое недоумѣніе въ пьесахъ, требующихъ пѣнія, она способна произвести нѣкоторое впечатлѣніе въ произведеніяхъ импрессионистскаго характера, крайне примитивнаго въ своихъ внѣшнихъ очертаніяхъ. Особенно подходящимъ къ дарованію г-жи Олениной—д'Альгеймъ оказался Мусоргскій, съ его грубо-фальшивымъ реализмомъ, доходящимъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ до лубочности. Таковы, напримѣръ, его картинки изъ дѣтской жизни, озаглавленные „Въ дѣтской“. Эта безвкусная поддѣлка, отъ которой претитъ всякаго человѣка съ эстетически развитымъ чувствомъ, и составляетъ конекъ артистки. Она гримасничаетъ и ломается, поддѣлываясь подъ дѣтскій

тонъ, и это кривлянье приводитъ въ неописуемый восторгъ почитателей имитаторши.

12-го ноября г-жа Оленина—д'Альгеймъ дала свой первый въ этомъ сезонѣ концертъ при переполненномъ залѣ. Что сказать объ этомъ концертѣ? Нечего прибавить къ вышеприведенной ея характеристикѣ. Я бы сказалъ, что голосъ ея, за послѣднее время, еще болѣе потускнѣлъ, еслибъ голосъ, вообще, игралъ какую-нибудь роль въ ея передачѣ. Артистка исполнила нѣсколько старинныхъ мадригаловъ и пѣсень Гуго-Вольфа, да такъ, что даже восторженные ея поклонники растерялись. Начинаящая любительница—и та устыдилась бы такого исполненія. Въ своей стихіи она очутилась лишь, когда перешла къ Мусоргскому. Въ извѣстномъ смыслѣ удачно г-жа д'Альгеймъ справилась съ нѣкоторыми пѣснями Шуберта, подходящими къ характеру ея дарованія. Вообще, я думаю, что г-жу д'Альгеймъ можно прослушать не безъ интереса въ ея репертуарѣ на какомъ-нибудь *Überbrettel*, но на концертной эстрадѣ она является по недоразумѣнію. И. Кирилловскій.

М и х у т ы.

II.

Пресловутая пьеса Э. Соллогуба о романѣ папеньки съ дочкою напомнила мнѣ старину, не очень давнюю.

Молодому поколѣнію литераторовъ и артистовъ античное имя московскаго Артистическаго Кружка не говоритъ ничего. А между тѣмъ, отсюда нѣкогда вышла свобода частной антрепризы въ столицахъ, тамъ зачалось общество русскихъ драматическихъ писателей и композиторовъ и возросло цѣлое поколѣніе передовыхъ сценическихъ дѣятелей, теперь въ большинствѣ уже сошедшихъ въ могилы. Періодъ славы и процвѣтанія Артистическаго Кружка падаетъ на семидесятыя годы прошлаго вѣка. Мы, восьмидесятники, застали уже его упадокъ, вѣрнѣе даже—агонію. Когда-то славный Кружокъ, былъ вытѣсненъ ивъ своего прежняго роскошнаго помѣщенія на Театральной площади (теперь на этомъ мѣстѣ Новый Театръ) куда-то въ Каретный рядъ и влачилъ жалкое захолустное существованіе. Самыми частыми гостями Кружка были теперь судебныя пристава съ исполнительными листами. Чтобы какъ-нибудь оправдывать расходы, Кружокъ, махнувъ рукою на славныя традиціи, сдавалъ спектакли свои любому, кто набѣжитъ.

И вотъ однажды, какимъ-то чудомъ попавъ въ это унылое учрежденіе,—туда попадали уже не иначе, какъ чудомъ,—я былъ свидѣтелемъ, какъ нѣкто Эльснеръ изображалъ Гамлета. Л. Н. Толстой можетъ, сколько ему угодно, «развѣнчивать» Шекспира, но, уже въ нѣкоторомъ родѣ спускаясь въ долину дней и оглядываясь на добрыя тридцать лѣтъ общенія съ искусствомъ и людьми его, я могу съ убѣжденіемъ сказать одно: нѣтъ въ литературѣ подлуннаго міра другого автора, который былъ бы способенъ, не то, что въ равной съ Шекспиромъ, но даже въ близкой къ нему степени, сдѣлаться страстью человѣка, его болѣзнью, его маніей. Въ Россіи эпидемія шекспироманіи особенно сильна и прочна. Обыкновенно говорятъ, что виноваты въ томъ тѣнь Мочалова и статьи Бѣлинскаго. Но это невѣрно. Одинъ изъ первыхъ шекспиромановъ, изображенныхъ въ русской художественной литературѣ, студентъ Иволгинъ въ «Тысячѣ Душъ» Писемскаго даже не видалъ никогда Мочалова и дурного о немъ мнѣнія по слухамъ,—стало быть, Бѣлинскому не повѣрилъ. И—однако:

— Пускай отецъ, какъ говоритъ, лишитъ меня благословенія и стотысячнаго наслѣдства: меня это не остановитъ, если только мнѣ удастся сдѣлать изъ Гамлета то, что я думаю.

Театръ Литературно-Художеств. Общества.

„Смерчъ“ („Дѣльцы“),
И. Колышко.

Сафоновъ (г. Хворостовъ).
Рис. М. Слѣпана.

безжалостные бичи и скорпіоны, мучительно слушалъ «судъ глупца и смѣхъ толпы холодной», перенесъ несчетныя пытки оскорбительныхъ препонъ и разочарованій, въ томъ числѣ даже долженъ былъ лишиться счастья сцены. И, однако, пятый десятокъ лѣтъ своихъ Кремлевъ кончаетъ, столько же вѣрный и пламенный къ богу своему, какъ четверть вѣка назадъ, когда своимъ культамъ Шекспира онъ приводилъ въ отчаяніе казанскихъ интеллигентныхъ буржуа и проповѣдовалъ лѣтосчисленіе отъ рожденія великаго Вильяма. Другой типическій Иволгинъ русскаго театра, еще болѣе Кремлева упорный въ томъ отношеніи, что выдержалъ-таки характеръ остаться шекспировскимъ актеромъ,—Н. П. Россовъ, въ послѣдніе годы начавшій и писать о театрѣ. И нельзя не признать, что статьи природнаго шекспиристовъ объ искусствѣ всегда бываютъ изъ интереснѣйшихъ въ этой области, потому что ихъ вдохновляетъ настоящая страсть, искренняя ревность о богѣ своемъ. Кромѣ того, никто, болѣе Шекспира, не развиваетъ художественнаго интеллекта, не заставляетъ, ради эстетической и психологической комментировки, столько читать и видѣть, не толкаетъ такъ энергически къ самообразованію и самовнуканію. Да! Л. Н. Толстой—великій писатель, но на Шекспира онъ набросился совсѣмъ не по великому и недаромъ потерпѣлъ въ напрасномъ бою такой жестокой уронъ и фіаско. Когда я услышу, что какая-нибудь роль другого автора стала для юноши вопросомъ жизни и смерти, какъ роль Гамлета для Россова, или что мировой судья вышелъ

Иволгинъ остался вѣчнымъ типомъ въ русскомъ искусствѣ. Давалъ онъ удачниковъ, давалъ, конечно, еще больше неудачниковъ. Но безъ мѣстнаго Иволгина у насъ въ Россіи рѣдкій городъ стоитъ, и врядъ ли есть театръ, въ лѣтописяхъ котораго не осталось бы такого Иволгина или нѣтъ его на лицо. Нѣкоторые изъ русскихъ Иволгиныхъ со временемъ отстаютъ отъ актерской карьеры, но благодарная страсть къ Шекспиру неистребима въ нихъ, какъ Зничъ какой-то, и связываетъ ихъ съ искусствомъ узами неразрывными. Какъ одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ русскаго фанатизма къ Шекспиру, я назову А. Н. Кремлева. Надѣюсь, за это упоминаніе А. Н. на меня не постѣтуетъ, ибо въ томъ, какъ фабричные говорятъ, «нѣтъ ничего дурного, окромя хорошаго». Этотъ талантливый человѣкъ пожертвовалъ Шекспиру всѣми карьерами буржуазнаго жизнеустройства, на которыя давали ему право фамилія и разностороннее образованіе, прошелъ къ Шекспиру и впрямь только что не иволгинскимъ путемъ, десятилѣтіями претерпѣвалъ изъ-за Шекспира

въ отставку, потому что ему не позволили держать въ камерѣ портретъ другого поэта, какъ, говорятъ, вышелъ въ отставку изъ-за подобнаго случая съ портретомъ Шекспира Кремлевъ, — лишь тогда я повѣрю, что у Шекспира есть соперникъ въ обаяніи человѣчества и уловленіи душъ. А въ юности своей зналъ я поэтическаго тульскаго попа, котораго мужики дразнили «Попъ Якуба», хотя онъ былъ отецъ Мелетій *). Подвыпивъ, онъ чудесно игралъ на скрипкѣ старинные полонезы Огинскаго, а, достаточно взвинтивъ себя ихъ меланхолическими звуками, усаживался на крыльцѣ своего домика и зывалъ на все село:

Изъ-за Гекубы!
Что ему Гекуба?
Что онъ Гекубѣ?

У этого чудака-попа въ поминаньи были записаны бояринъ Георгій Гордѣй (Байронъ) и бояринъ Александръ (Пушкинъ)—въ дни трагическихъ кончинъ своихъ, а «иновѣрецъ агличинъ Василій» предназначался къ поминовению во всѣ дни. Попа Якубу, по доносу, таскали за то въ консисторію, но онъ право свое молиться за упокой шекспировской души отстоялъ геройски.

— Ну, а если бы запретили?

— Не уступилъ бы,—хоть рясу снять!

Гдѣ-то онъ теперь, милѣйшая Якуба? Пожалуй, что уже и въ могилкѣ, потому что и тогда былъ не молодъ, да и жестоко запивалъ *). Такъ вотъ что значитъ Шекспиръ у насъ, въ интеллигенціи русской. И вотъ ты съ нимъ тутъ и состязайся...

А прочтите въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» лѣтопись покойнаго «Шекспировскаго Кружка», написанную Венкстерномъ, котораго когда-то первопрестольная не только противопоставляла Россіи, Поссарту, Барнаю, А. П. Ленскому, но даже нахваливала, что «Венкстернъ умѣетъ всѣхъ лучше». Вы увидите, что Кремлевъ, Россовъ—не случайности на Руси, что шекспироманія—у русской интеллигенціи въ крови, это ея—эндемія. Фигуры С. А. Юрьева, Л. Н. Поливанова, Бенкстерна, И. И. Лаврова, Лопатиныхъ, Стороженко и т. д.—не только типическія для нея, онѣ—національны. Простите за вулгарное сравненіе, но, какъ альпійскому мужику въ Оберландѣ природа привязываетъ зобъ на шею, такъ—въ до-революціонной Россіи, до Маркса и

„Смерчъ“ („Дѣльцы“), И. Колышко.

Ефимъ-забойщикъ (г. Смирновъ).
Рис. М. Слѣпана.

*) См. въ 3-мъ изданіи моего сборника «Сказочныя Были» рассказъ «Деревенскій Гипнотизмъ». Тамъ о Мелетіи выведенъ подъ именемъ о. Аркадія.

**) См. предыдущее примѣчаніе.

Ницше, культура привязывала интеллигенту либо шекспиризмъ, либо дарвинизмъ. То и другое—въ большей или меньшей степени, глядя по темпераменту, но—безъ сильныхъ или слабыхъ признаковъ одного изъ двухъ, либо безъ ихъ промежуточнаго и примирительнаго компромисса, интеллигентовъ было мало.

Кремлевъ, Россовъ—это сливки шекспироманіи, это ея удачники,—тѣ, кому путемъ ея, удалось прійти къ культурному дѣлу, кто успѣлъ ея стать полезень и себѣ, и людямъ. Но въ нѣдрахъ и низшихъ слояхъ этой эндеміи что погибло Иволгиныхъ-неудачниковъ, «шекспировъ несчастныхъ», какъ звалъ ихъ, съ маленькою буквою, покойный циникъ Форкатти! Тотъ Эльснеръ, котораго назвалъ я выше, принадлежалъ къ этому, гибели обреченному, Понургову стаду. Былъ онъ, какъ водится, изъ хорошаго общества, офицеръ, бѣднякъ и—всѣмъ существомъ своимъ—«шекспиръ несчастный». Сколькихъ мученій и испытаній стоила Эльснеру его шекспироманія, достаточно обличаетъ уже тотъ фактъ, что, въ концѣ концовъ, очутился онъ съ «Гамлетомъ» своимъ въ такой дырѣ, какъ умирающій Артистическій Кружокъ. Пришлось ему играть, принявъ, конечно, спектакль на свой счетъ, предъ шестидесятью зрителями, въ возмутительнѣйшей обстановкѣ съ бора да съ сосенки, окруженному случайными любителями или статистами за актеровъ, нанятыми въ трактирѣ «Ливорно», въ костюмахъ изъ табачной лавочки пополамъ съ бюро похоронныхъ процессій. Надо фанатически вѣрить въ могущество своего призванія и въ необходимость своего исполненія, надо въ самомъ дѣлѣ чувствовать внутри себя какое-то новое слово, которое жжетъ и мучительно рвется наружу, безъ вопля которымъ жить нельзя, чтобы пойти на рискъ—выступить, при подобныхъ условіяхъ, на сценическихъ подмосткахъ, да еще въ «Гамлетѣ». Эльснеръ походилъ на Гамлета не больше, чѣмъ самъ Гамлетъ на Геркулеса, однако, читалъ, хотя дилетантски, но очень неглупо, чувствовалъ мысль и фразу, любилъ роль всею душою и всѣмъ тѣломъ своимъ. Словомъ, въ другой обстановкѣ, онъ былъ бы не хуже, если не лучше, многихъ присяжныхъ актеровъ, хвастающихъ о Гамлетѣ:

— Моя коронная роль.

Но кто бы ни появлялся на сценѣ: Гораціо, Марцелло, король, королева, Полоній, — публика умирала со смѣха: такой это былъ сбродъ! А въ чужомъ пиру похмѣлье принималъ на себя злопосланный Гамлетъ. И, какъ бываетъ среди недобросовѣстныхъ и равнодушныхъ комедіантовъ-наемниковъ, они, замѣтивъ, что безстыжее несоотвѣтствіе ихъ ролямъ смѣшить добродушно настроенную публику, принялись безобразничать уже нарочно, откалывая гадкія водеvilъныя колѣнца Гамлетъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, кусалъ губы, сжималъ кулаки, но—игралъ. Однако, приспѣлъ часъ лопнуть и его долготерпѣнію.

Вышла на сцену Тѣнь. Я не могу описать вамъ этой Тѣни, потому что—смѣю сказать: я, хотя видѣлъ, но не видѣлъ ея. Я не знаю даже, что именно было такъ позорно въ ея костюмѣ и гримѣ, но—едва она мелькнула предъ глазами моими, я уже лежалъ лицомъ на спинкѣ стула въ переднемъ ряду и колотился лбомъ, потрясаясь самымъ дикимъ и властнымъ смѣхомъ, какой когда-либо посылала мнѣ судьба,—въ сознаніи, что ничего глупѣе, пошлѣе, наглѣе, подлѣе, гнуснѣе, нелѣпѣе, я никогда еще не видалъ и врядъ ли когда-либо что увижу. По задыхающемуся реву хохота въ залѣ, я слышалъ, что многочисленныя сосѣди мои переживаютъ тѣ же впечатлѣнія. А затѣмъ со сцены зазвучалъ

нижеслѣдующій разговоръ, не предвидѣнный Шекспиромъ.

Гамлетъ. Уйдите!

Тѣнь. Чего?

Гамлетъ. Я приказываю вамъ: уйдите.

Тѣнь. Зачѣмъ?

Гамлетъ. Я не могу съ вами играть. (Къ публикѣ). Господа. Извините, но вы сами видите, что я не могу играть съ такою тѣнью. (Къ Тѣни). Вы... вы не тѣнь, а чучело.

Тѣнь. Сами-то вы чучело!!!...

Занавѣсъ не упалъ, а рухнулъ, и... спектакль кончился.

Эльснеръ нѣсколько дней былъ притчею во языцѣхъ Москвы. Я увѣренъ, что, если бы онъ повторилъ «Гамлета», то сдѣлалъ бы рядъ полныхъ сборовъ. Но «шекспиръ несчастный» былъ закваски Геннадія Демьяновича Несчастливцева:

— Забавлять-то тебя? Шутовъ заведи!

Кажется, тѣмъ и «свершился путь Отелло»: по крайней мѣрѣ, я больше никогда уже не слышалъ объ Эльснерѣ, какъ объ актерѣ.

Но онъ писалъ пьесы. И престранныя. Одна изъ нихъ, не помню, или была въ моихъ рукахъ, или читалъ мнѣ ее кто-то изъ товарищей-журналистовъ: вѣдь, слишкомъ двадцать лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ времени, о которомъ я рассказываю. Но пьесу я—какъ будто только вчера читалъ, настолько, въ сложности своей, она ярка и незабвенна.

Начать съ того, что въ ней было 24 дѣйствія. Уже это обстоятельство не совсѣмъ обыкновенно.

Дѣйствіе I. Номеръ гостинницы въ губернскомъ городѣ. Входитъ проѣзжающій, за нимъ коридорный съ вещами.

Проѣзжающій. Этотъ номеръ мнѣ нравится. Я остаюсь здѣсь.

Коридорный. Слушаю-съ. Долго изволите пробывать?

Проѣзжающій. Я пріѣхалъ, чтобы присутствовать на торжественномъ актѣ въ институтѣ, гдѣ воспитывается моя дочь, которую я никогда не видалъ.

Коридорный. Это, стало быть, завтра съ. Доброе дѣло. Слушаю-съ. (Уходитъ).

Проѣзжающій. Скучно... Чѣмъ бы заняться? Га! (звонитъ. Входящему коридорному). Человѣкъ... есть у васъ дѣвки?

Коридорный. Сколько угодно-съ.

Проѣзжающій. Приведи мнѣ дѣвку.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе II. Тотъ же номеръ. Въ выходной двери исчезаетъ юбка поспѣшно скрывающейся женщины.

Проѣзжающій. Однако, она была дѣвушка. Она оставила мнѣ на память свою сорочку. Спрячу. Въ сущности, гнусно съ моей стороны. Какіе подлцы всѣ мы, мужчины.

Занавѣсъ.

Дѣйствіе III. Торжественный актъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Много публики. Проѣзжающій во фракѣ и при орденѣхъ.

Директриса института. Золотой медали удостоена воспитанница...

Проѣзжающій. Что я вижу?! Она!

Директриса института. Дѣвица Имярекова.

Проѣзжающій. Какъ?

Сосѣдъ. Дѣвица Имярекова.

Проѣзжающій. Чго? Имярекова? Не можетъ быть! (дикое хохочетъ). Моя дочь.

Дѣвица Имярекова взглянула въ Проѣзжающаго, узнала... вскрикнула... упала въ обморокъ...

Всѣ. Успокойтесь! Успокойтесь!

Проѣзжающій. Молчите! Вы всѣ ничего не понимаете! Одинъ я понимаю! Это моя дочь! Ха-ха-ха! Это—моя дочь! (Вынимаетъ изъ кармана женскую сорочку и машетъ ею, среди всеобщаго ужаса и недоумѣнія).

Занавѣсъ.

Отъ передачи дальнѣйшихъ актовъ избавляю читателя, такъ какъ четвертый происходитъ уже въ домѣ для умалишенныхъ.

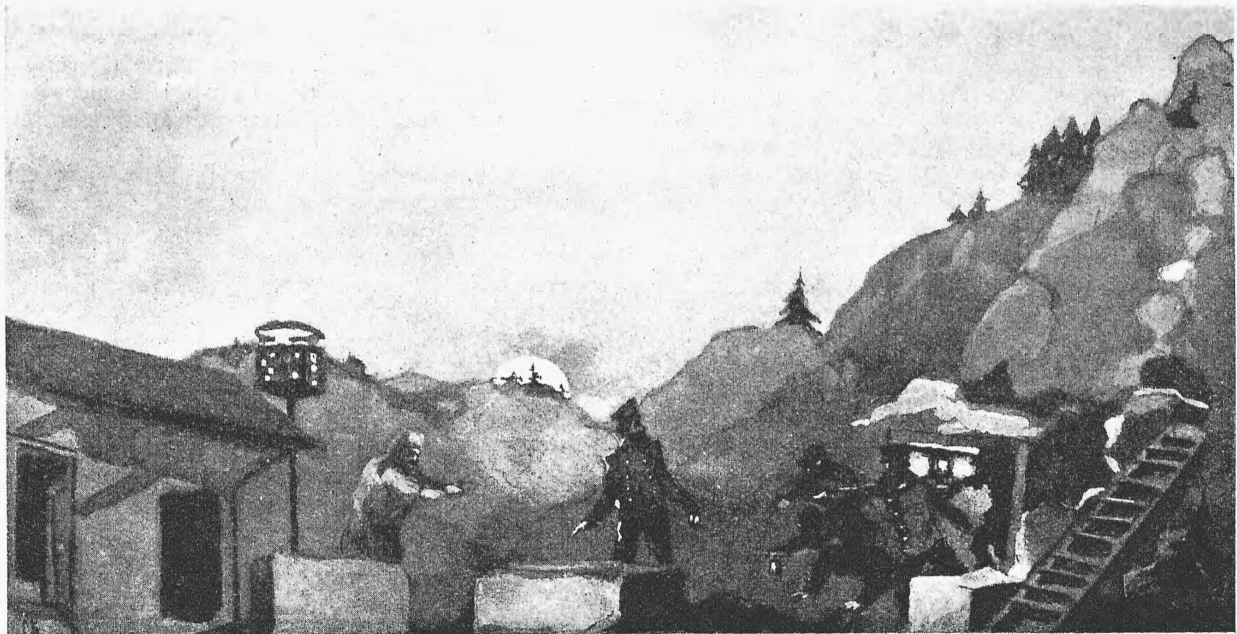
Такъ что—видите ли: ничто не ново подъ луною! Америку до Колумба открыли какіе-то норвежскіе викинги, а любовною драмою между родителемъ и дочерью О. Соллогуба упредилъ Эльснеръ. Впрочемъ, и Писемскій въ «Былыхъ Соколахъ». Впрочемъ, и

какой-то предшественникъ Шекспира въ «Периклѣ» и Альфиери въ «Миррѣ», и Шелли въ «Беатриче Ченчи»... Разница предшественниковъ г. Соллогуба съ самимъ г. Соллогубомъ сводится лишь къ тому незначительному условію, что тѣ порицали, а онъ одобряетъ. Анекдотъ наоборотъ: маленькую ошибку давалъ—вмѣсто караула, ура кричалъ!

А читалъ я недавно «Тяжелые Сны» и «Мелкаго Бѣса» того же самага г. Соллогуба. Какой большой беллетристическій талантъ заключенъ въ этомъ писателѣ, когда онъ работаетъ безъ стремленія вѣще изломиться во имя вкуса модернъ, и какъ хорошо и глубоко знаетъ онъ провинцію, въ которой развивается дѣйствіе своихъ романовъ! Вотъ все говорить: быть умеръ. Фраза—логически бессмысленная, потому что быть не можетъ умереть, покуда существуетъ хоть какая-нибудь форма общества человѣ-

выя обобщенія, но письма въ редакцію: «и вотъ еще примѣръ турецкаго звѣрства!» Пишутъ сейчасъ Петербургъ и югъ. Понятно, что тутъ неоткуда взяться великорусскому быту. Но развѣ у Айзмана, Юшкевича, Шолома Аша и др. нѣтъ своего быта? Тогда ихъ прекрасныя, всѣхъ интересующія, пьесы обратились бы въ сплошную публицистику а la Бріэ, любопытную лишь для тѣхъ, кого волнуетъ и жжетъ еврейскій вопросъ,—безъ бытовыхъ фигуръ, ихъ художеству было бы мѣсто не на сценѣ, а на трибунѣ. Нѣтъ, не умеръ быть, а, просто, каждый пишетъ то бытовое, что онъ знаетъ и что близко ему, и у новаго писательства—новый и быть. Быть же великорусской провинціи использованъ большими мастерами настолько глубоко, что поверхностное наблюденіе слабаго таланта уже не можетъ сказать много новаго. Въ особенности — послѣ чехов-

——**ТЕАТРЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА**——

„Смерть“ („Дѣльцы“), І. Колышко, декорація послѣдняго дѣйствія.

Рис. М. Слѣпана.

ческаго. А—что театральнй интересъ къ русскому быту временно заслонился нѣкоторыми теченіями индивидуалистической моды, это—облако на лунѣ. Облака пройдутъ, а луны отъ земли никуда не оставишь, она вѣчно будетъ кружиться въ компаніи съ планетою нашею. Какой символизмъ и индивидуализмъ ни разводи, но—разъ хочешь остаться во времени и пространствѣ, бытовой фонъ-то написать надо. Правда, пишутся теперь пьесы, повѣшенныя въ воздухѣ, безъ всякаго реального гвоздика («Жизнь Человѣка»), но онѣ и живутъ не сами собою, а эпохою романтическихъ восклицаній, и творчество ихъ—не живая образность, но упражненія въ восклицаніяхъ. Совсѣмъ не умеръ быть, а развѣ что—географически перемѣстился. У насъ исторически сужено представленіе о бытовомъ творчествѣ, оттого и говорятъ о мнимой его смерти. Какъ быть, то значить,—Островскій, Писемскій, Потѣхинъ, народники, «Власть тьмы» и т. д. Великорусскій бытъ сейчасъ, дѣйствительно, обрѣтается въ большемъ умаленіи, потому что интеллигентный обыватель великорусской провинціи дѣлаетъ политику, а не пишетъ, если же и пишетъ, то не быто-

ской детальной разработки. Совершенно непочатый уголь — духовенство, но между нимъ и сценою стоитъ стѣною цензура. Такъ что драматургъ-бытовичекъ великорусскій непремѣнно тянется по слѣдкамъ Островскаго, Писемскаго, Потѣхина, Льва Толстого, въ скучномъ и утомительномъ ученичествѣ. Онъ не можетъ иначе, потому что плохо знаетъ и поверхностно понимаетъ быть. А вотъ—если бы г. Соллогубъ, вмѣсто неистово кровосмесительныхъ курьезовъ и небылицъ въ лицахъ, написалъ для сцены жизнь уѣзднаго города, какъ она изображена въ «Мелкомъ Бѣсѣ», то мы получили бы бытовую пьесу, способную сдѣлать эпоху въ русскомъ театрѣ. Потому что въ этомъ великолѣпномъ романѣ,—за исключеніемъ невѣроятныхъ декадентскихъ дѣвицъ,—что ни фигура, то дышетъ жизнью, достойною красокъ Гоголя и лѣпки Достоевскаго. И—всѣхъ хоть цѣликомъ бери на сцену. Кончая читать романъ Соллогуба, я даже искренне сожалѣлъ автора, по предчувствію:

— Охъ, не извиться этому «Мелкому Бѣсу» настолько счастливо, чтобы какой-нибудь досужій мастакъ не передѣлалъ его въ представленіе.

ОПЕРНЫЯ АРТИСТКИ.

Г-жа Петренко, артистка Маринскаго театра.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ очень великъ соблазнъ для драматургическихъ дѣлъ закройщика: и быть, и настроеніе, и мистика, и сладострастіе, и—кого изъ дѣйствующихъ лицъ ни возьми,—«ролька-съ». И еще какія рольки-то-съ! За Людмилу въ кровь передерутся всѣ сорокалѣтнія ingénues со стилизаціей. За Марту—инженюшки безъ стилизаціи. Да ежели изъ гимназиста Саши сдѣлать такую фигурку трагедиста, да Варвару оставить во всей ея неприкосновенности бытовой халды, да Ежиха—Стрѣльская, да Овечкинъ—Кондратій Яковлевъ... ай-ай-ай, какъ пьеска-то расходуется! самое меньшее—на десять полныхъ сборовъ! А въ центрѣ, какъ дубъ опорный и корень успѣха,—психопатъ Передоновъ... настоящий, гастрольный психопатъ, всю Россію съ нимъ можно объѣхать и даже въ Европу и въ Америку заглянуть по орленевскимъ слѣдамъ. Эффектамъ конца нѣтъ: и нагишомъ раздѣваются для діонисовыхъ игръ, и галлюцинаціи, и маскарадъ, и пожаръ въ клубѣ, и убійство для финала... нѣтъ, десять сборовъ мало: накинь до двадцати, а то и всѣ три десятка!

Отъ души желаю г. Соллогубу избѣжать перелицовочнаго застѣнка, потому что написалъ онъ вещь крупную, полную глубокой правды и сильной мысли. Въ высшей степени было бы жалъ, если бы стройная причудливость «Мелкаго Бѣса» должна была съежиться въ діалогическія схемы, въ родѣ хотя бы тѣхъ, которыя теперь завладѣли вниманіемъ русской публики, подъ именемъ четырехъ главныхъ романовъ Достоевскаго: «Преступленіе и Наказаніе», «Идіотъ», «Братья Карамазовы», «Бѣсы». Ка-

кое несчастіе и позоръ для театра русскаго эта передѣлочная манія! какое униженіе интеллекта публики! какой жалкій и оскорбительный подмѣнъ художественно-философской мысли внѣшнею зрѣлищною схемою!

Александръ Амфитеатовъ.

(Генуя).

Столбы.

II.

Есть такое подлое слово: «работодатель». Среди многихъ отвратительныхъ и оскорбительныхъ словъ этотъ «датель», какъ дятель, стучитъ въ мой мозгъ и дразнитъ, и злитъ мою печень. Ни одна власть въ цѣломъ мірѣ не была и не бываетъ такой капризной, взбалмошной и въ тоже время бронированной, какъ эта. Она сѣдаетъ ваше лицо, дѣлаетъ его общимъ и пошлымъ, слизаннымъ и приглаженнымъ. Она понижаетъ вашу волю и вашу работоспособность, равняетъ перваго съ послѣднимъ, генія съ бездарностью, вершины съ землей.

Кромѣ того, ни одна власть не страдаетъ такой массой нервныхъ болѣзней, какъ этотъ работодатель-предатель. О литературѣ уже не говорю. Тутъ все, какъ онъ, этотъ датель, хочетъ. А хочетъ онъ многого, ибо не понимаетъ ничего. Тутъ этотъ работодатель—издатель—все. Онъ и въ искусствѣ даетъ директивы и правитъ критику, самъ не написавъ двухъ критическихъ строкъ, онъ и въ политикѣ знатокъ,—этотъ хорошо слаженный приборъ невѣжества и тупоумія.

Вотъ, бывають такіе ловко пригнанные законченные и точные часовые механизмы, которые и время аккуратно показываютъ, и во-время бьютъ. Большинство нынѣшнихъ руководителей—«дателей»—газетъ и журналовъ именно такіе идеально-изготовленные механизмы ничтожества и самодвольной пошлости, непониманія и своевластія, умѣющіе, однако, во-время бить по самолюбію, по карману, и, главное, по инициативѣ.

Но о нашемъ братѣ-писателѣ не стоитъ и толковать.

Мы, какъ ветхозавѣтный Іона, пробывъ всего только три дня во чревѣ такого кита-работодателя, такъ къ этому теплomu помѣщенію привыкаемъ, что потомъ у насъ одна мечта: какъ-бы снова въ это чрево попасть и не на три дня, а по возможности на вѣки-вѣчные. Это ужъ несчастіе акклиматизаціи и на господъ пишущихъ надо просто махнуть рукой: что ни затѣвали они для отвычки отъ китоваго чрева—все рушилось и гибло, а о гибломъ мѣстѣ не хочется и говорить. Вотъ П. Д. Гоборыкинъ ѣдетъ въ Москву устроить литературную кооперацию, общество въ нѣкоторомъ родѣ взаимопомощи и, конечно, искренне и самоотверженно надѣется на успѣхъ. Исполать ему, бодрому и вѣрующему, а я думаю, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ.

Да еще въ Москвѣ.

Въ той самой Москвѣ, которая не устаетъ все время давать цѣлые кадры штрейкбрехеровъ и тянетъ канитель съ такими господами, какъ Липскеровъ, теперь уже цѣлыми годами: Липскеровъ не заплатитъ однимъ, эти уйдутъ, а ужъ въ дверь стучится новый «составъ»,—составъ противъ неминуемой смерти никому ненужной газетки, никому ненуж-

наго издателя, котораго, небось, также вотъ величаютъ работодателемъ. Словомъ, о нашемъ братѣ рѣчи нѣтъ, потому что и никакого нашего брата, какъ объединенной группы, тоже нѣтъ, и никогда не было, и, кажется, никогда и не будетъ.

Но, вотъ, актеры.

Несомнѣнно, не Богъ вѣсть какіе организаторы, и не до чрезвычайности товарищи,—все-же они сумѣли создать нѣчто вродѣ объединенія,—съѣзды, кассы, судъ чести, черную доску и что тамъ еще? Казалось-бы, можно было даже при такой ячейкѣ содружества себя отстоять. Но оказывается,—«если кажется, то перекрестись», какъ говорятъ веселые школьники.

Оказывается, что ничего не оказывается.

И послѣдніе два—одинъ за другимъ—инцидента—баратовски-глаголинскій и мейерхольдовскій—лучше всего доказываютъ всю беспомощность актера въ дѣлахъ личной чести и въ конфликтахъ съ «дателемъ»,—беспомощность, которая можетъ равняться, развѣ, только нашей.

Товарищи по театру остались совершенно равнодушными къ столкновению Глаголина съ Баратовымъ, хотя почвой для него послужило общее дѣло, а не личное, и вопросъ шелъ не о денежныхъ и не о сердечныхъ дѣлахъ, а о театральныхъ; хотя конфликтъ вышелъ изъ-за нарушенія долга совмѣстной работы, гдѣ взаимная добросовѣстность важнѣе, чѣмъ вездѣ и всюду.

Почему-же все это было встрѣчено молчаніемъ и прошло тоже при общемъ молчаніи? Или то самое, что случилось, не могло и уже никогда не можетъ случиться ни съ однимъ изъ этихъ молчаливыхъ людей?

И почему третейскій судъ здѣсь выше и предпочтительнѣе своего собственнаго суда товарищескаго, естественнаго, близкаго и, во всякомъ случаѣ, болѣе компетентнаго, чѣмъ всякій другой?

Почему?

Понимаю, что вопросы—риторическіе, но знаю, что они риторическіе не по моей винѣ.

Объ мейерхольдовскомъ инцидентѣ стыдно даже распространяться: если все въ театрѣ и въ литературѣ будетъ зависѣть отъ пищеваренія работодателя, или отъ того, съ какой ноги онъ встанетъ, то судьбы русскаго искусства поставлены на колеблющуюся почву и имъ каждую минуту грозитъ испытать землетрясеніе.

Какъ бы ни смотрѣть на Мейерхольда, и даже въ какомъ бы огорченіи ни пребывать отъ него,—ясно одно, что г-жа Коммисаржевская поступила съ своимъ режиссеромъ такъ, какъ до сихъ поръ мы не поступали даже съ нашей прислужкой, ибо безъ предупрежденія никто не гонитъ даже своего лакея:

— Вотъ паспортъ, а вотъ—порогъ!

А гнать своего помощника, кому было ввѣрено связывать и развязывать, руководить и рѣшать, а увольнять, какъ пишутъ въ мелкой прессѣ—«au hazard»—по первому вдохновенію, послѣ хорошаго или дурного приснивагося сна, или вдругъ заулбавившихся новыхъ перспективъ,—значитъ ко всѣмъ пріятнымъ и почтеннымъ чертамъ «работодателя» прибавить еще одну—новую—легкомысліе институтки, въ растерянности чувствъ хотѣвшей выйти замужъ сразу за двухъ.

Въ газетахъ я прочелъ, что это уже не первый случай съ г-жей Коммисаржевской, что и въ прошломъ году режиссеру Арбатову не пришлось ничего режиссировать, и что, такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло не просто съ легкомысліемъ, а съ легкомысліемъ санкціонированнымъ и возведеннымъ въ систему.

Іоганнъ Шлафъ, авторъ „Вейганда“.

Перечислять всѣ элементарныя этическія правила и то обычное право, которая нарушила работодателя Коммисаржевская, значитъ, учить моихъ читателей читать по складамъ и преподавать азбуку начальной общественности. Это—скучно. Но гдѣ не нужно учить, тамъ можно негодовать. И я негодую на молчаливую тактику артистовъ,—товарищей Мейерхольда по общему дѣлу, ибо письмо въ редакцію газеты—протестъ только пассивный и безрезультатный, платоническій и миндальный, ничего не достигающій, а, главное, ничего не убавляющій и ничего не прибавляющій ни въ активѣ «дателей», ни въ ихъ пассивѣ.

Вмѣсто Мейерхольда будетъ другой, вмѣсто репертуара одного будетъ новый. Вмѣсто прямого направленія воцарится иное, непохожее, или похожее, и театръ будетъ жить, и публика будетъ хлопать въ ладоши, или молчать, и будутъ такъ-же писать рецензенты.

Все будетъ обстоять благополучно, кромѣ самихъ артистовъ,—ибо, если сегодня г-жа Коммисаржевская видѣла сладкій сонъ будущаго, ради котораго надо было пожертвовать Мейерхольдомъ, она завтра увидитъ дурной и кошмарный сонъ настоящаго и «освободитъ»,—какъ теперь мягко выражаются,—отъ тѣхъ, или иныхъ обязанностей любого изъ васъ, умѣющихъ такъ славно и бездонно молчать.

Впрочемъ, я забылъ, что вы, милостивые государи, тоже Іоны, и тоже побывали въ китовомъ чревѣ и уже приспособились...—«Тепло»,—говорите?

Петръ Пильскій.

Театральныя замѣтки.

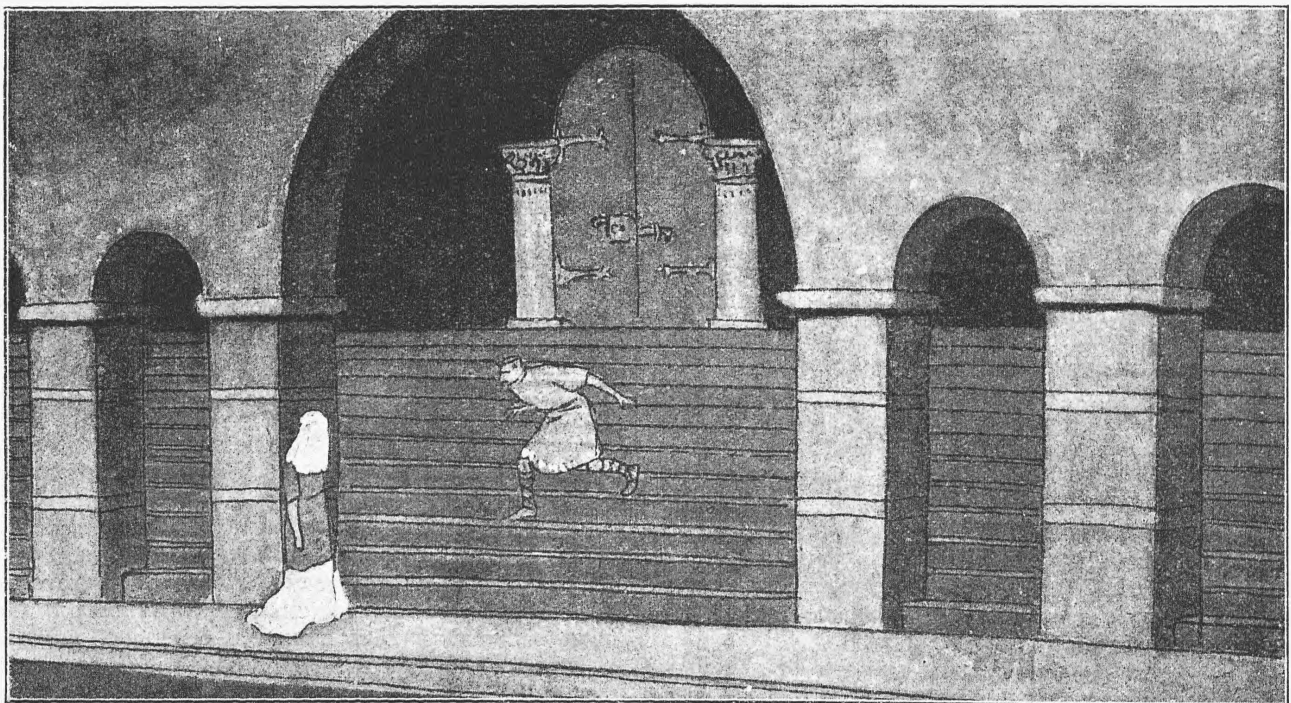
В. Э. Мейерхольдъ «получилъ отставку». Профессиональной и театрально-бытовой сторонѣ этого событія у насъ посвящаются особыя статьи, ибо, дѣйствительно, она не лишена «оригинальности», въ самомъ грустномъ значеніи этого слова. Въ этихъ строкахъ я намѣренъ коснуться лишь беспощадной войны, которую г. Мейерхольдъ объявилъ такъ называемому «старому театру». Мнѣ пришлось едва-ли не болѣе другихъ бороться съ г. Мейерхольдомъ. Страстность, которую я подчасъ вносилъ въ свои статьи, объясняется, конечно, только тѣмъ ужасомъ, которымъ наполнена была душа театраловъ, предъ перспективою совершеннаго уничтоженія театра новою школою и манерою. Говорю это потому, что какой-то пошлякъ, котораго я имѣлъ неосторожность назвать въ одной изъ своихъ статей, будто бы полемизируя со мной, написалъ, что театральному де міру извѣстны мои личныя отношенія къ г. Мейерхольду, и что де въ этомъ причина моихъ страстныхъ нападокъ на него. Потомъ я эту пошлость читалъ еще въ перепечаткѣ—сплетню, какъ водится, охотно подхватываютъ. Отъ пошляковъ и пошлости я безразлично отмахиваюсь, такъ я поступилъ и въ данномъ случаѣ. Но теперь, когда г. Мейерхольдъ «палъ», я могу сказать, что «театральный міръ» ничего не могъ знать о моихъ отношеніяхъ къ г. Мейерхольду, такъ какъ я съ нимъ и знакомъ-то не былъ, а слѣдовательно, и отношеній никакихъ не могло быть. А претензіи профессионально-театрального свойства, которыхъ было не мало, я, въ качествѣ театральнаго человѣка, могъ относить только къ дирекціи театра, а никакъ не къ г. Мейерхольду.

Къ г. Мейерхольду у меня одна претензія: не

провѣривъ опытомъ нѣкоторыя смутныя идеи, носившіяся у него въ головѣ, онъ самоуувѣренно завелъ театръ въ дремучій лѣсъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи я считаю г. Мейерхольда, какъ извѣстно читателямъ, отнюдь не первоначальнымъ виновникомъ и «зачинщикомъ» анти-театральнаго направленія въ театрѣ. Зачинщикъ—г. Станиславскій, и хотя въ области постановокъ г. Мейерхольдъ исходилъ изъ совершенно противоположной, какъ будто, точки зрѣнія, ихъ связывала общая пуповина—стремленіе создать театръ изъ нетеатральныхъ элементовъ. Что не въ «натурализмѣ» одного и не въ «условности» другого—суть, видно, напримѣръ, изъ того, что г. Станиславскій, послѣ крайностей натурализма, сталъ искать другихъ формъ постановки, какъ въ «Драмѣ жизни» Гамсуна. Слѣдовательно, черты различія между г. Станиславскимъ и г. Мейерхольдомъ—болѣе кажущіяся, сходство же ихъ органическое: оно въ томъ, что оба переносятъ центръ тяжести на придаточные элементы зрѣлища, оба строятъ театръ не на театральной способности человѣка, т. е. лицедѣйствѣ, а на фееріи, конечно, болѣе или менѣе художественной.

Въ послѣдней тетради «Золотого Руна» есть статья П. М. Ярцева по поводу спектаклей Драматическаго театра въ Москвѣ. Статья эта представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что П. М. Ярцевъ былъ въ прошломъ сезонѣ помощникомъ г. Мейерхольда въ Драматическомъ театрѣ, чѣмъ-то въ родѣ его alter ego. Будучи литераторомъ, П. М. Ярцевъ, само собою понятно, умѣетъ излагать свои мысли болѣе ясно и стройно, чѣмъ г. Мейерхольдъ. Изложеніе котораго (мы цитировали его статью въ «Вѣсахъ») — сбивчивое и неточное. Я приведу нѣкоторыя наиболѣе характерныя строки изъ «автобіографіи» мейерхольдовскаго театра. Оказывается, прежде всего, что г. Ярцевъ очень мало доволенъ достигнутыми результатами. «Сестру Беатрису» — го-

—§ ДРАМАТИЧЕСКІИ ТЕАТРЪ. §—

„Побѣда смерти“, Соллогуба. Декорація всѣхъ трехъ актовъ.

Рис. А. Любимова.

— Ѵ ТЕАТРЪ КОРША. Ѵ —

Сара (г-жа Смирнова).

Янкель (г. Борисовъ).

„Богъ мести“.

ворить г. Ярцевъ—театръ поставилъ «какъ оперу», въ «формахъ мелодраматическихъ».

Далѣе авторъ продолжаетъ:

«Театръ не хотѣлъ этого: это сдѣлалось само собою, и прежде всего потому, что въ искусствѣ актера еще нѣтъ и *не можетъ быть* тѣхъ звуковъ и красокъ, которыхъ добивался театръ. Театръ *поддѣлалъ* эти звуки и эти краски—большою работою и съ большимъ искусствомъ,—но онъ не могъ одухотворить ихъ, и пьеса стала звучать мелодрамою. Этотъ старый родъ искусства сценическаго съ внѣшней стороны близокъ рождающемуся новому, потому что, какъ и оно,—условенъ (?). Вотъ почему «новое» въ каждый моментъ готово сбиться и сбивается въ искусствѣ актера на мелодраму. Въ «Сестрѣ Беатрисѣ» только одна Волохова въ роли игуменьи показала то, чего хотѣлъ театръ.

«Чтобы это сдѣлать,—*недостаточно хотѣть*, и нельзя научиться это дѣлать. Научиться можно (?) только формамъ—тому, чему и учить «Драматическій театръ». И только это онъ до сихъ поръ показываетъ.

«Можно сказать такъ: Петербургскій театръ ищетъ технически выразить на сценѣ формы, которая театру будущему предстоитъ наполнить содержаніемъ.

Вотъ почему «новый» театръ весь въ сторонѣ живописной (декораціи, костюмы, группы, движенія). Въ новомъ театрѣ нѣтъ до сихъ поръ—и *не можетъ быть*—новаго «актера».

Курсивъ вездѣ мой, а не г. Ярцева.

Далѣе г. Ярцевъ пишетъ о «Вѣчной сказкѣ», что «темпераментъ» хорошихъ актеровъ вылился въ чистѣйшую мелодраму», и что «свѣжее и вдохновенное», которое хотѣлъ показать г. Мейерхольдъ, утонуло въ игрѣ—«прямолинейно-мелодраматической». Что касается «Чуда св. Антонія», то вышелъ просто «водевиль».

Поэтому въ заключеніе говорится о томъ, что «новому театру» надо овладѣть «искусствомъ актера», и тогда все будетъ хорошо, а пока работа г. Мейерхольда «безконечно ниже его дарованія».

Хотя выше я и сказалъ, что П. М. Ярцевъ излагаетъ свои мысли ясно и стройно, однако и онъ

злоупотребляетъ вольностью терминологіи, отчего получается путаница. Онъ говоритъ: «театръ поддѣлалъ», «театръ добивался», «театръ овладѣетъ актеромъ» и пр., неизвѣстно что разумѣется подъ словомъ «театръ». Ему-бы слѣдовало говорить: режиссеръ, Мейерхольдъ и т. п.—тогда это было-бы ясно. Театръ, если даже допустить, что актеръ только часть его, а не сущность (я же считаю актера сущностью театра), не можемъ «добиваться» искусства актера, потому что внѣ этого искусства онъ и не существуетъ.

Если-бы П. М. Ярцевъ не напустилъ (и притомъ намѣренно) туману словомъ «театръ», подъ которымъ разумѣется все и ничего, то все его разсужденіе оказалось-бы очевидно построеннымъ на пескѣ. Если въ искусствѣ актера «нѣтъ и не можетъ быть» звуковъ и красокъ, которыхъ добивался «театръ» (читай: режиссеръ), то, стало быть, очевидно, что «театръ» т. е. режиссеръ поставилъ себѣ совершенно нелѣпую задачу сдѣлать то, чего сдѣлать нельзя, и идти путемъ, которымъ идти невозможно. Правда, есть такой феноменъ—г-жа Волохова, упавшая какъ аэролитъ съ неба, въ ясную погоду, но вѣдь если даже допустить, что г-жа Волохова «явленіе чрезвычайное» (а въ дѣйствительности, она очень порядочная, но въ высшей степени однообразная актриса), то и этотъ аэролитъ ничему не можетъ помочь, потому что, какъ оказывается, «научиться» этому нельзя. А нельзя «научиться»—казалось-бы, зачѣмъ учить?

Ахъ, нѣтъ,—говорить г. Ярцевъ—можно научиться, но только «формамъ». Тутъ г. Ярцевъ впадаетъ въ ту, для него, какъ для писателя, рѣшительно непростительную ошибку, въ какую впалъ неискушенный въ письменности, г. Мейерхольдъ. Г. Мейерхольдъ писалъ, что репертуаръ—самъ по себѣ, а постановка—сама по себѣ, въ родѣ того, какъ есть магазинъ чаевъ, а черезъ улицу магазинъ скобяныхъ товаровъ. Г. же Ярцевъ пишетъ, что въ одномъ мѣстѣ учатся «формамъ» (портновскій «прикладъ», что-ли?), а въ другомъ—получаютъ «содержаніе» (матерію, что-ли?). Ну, это, конечно,

указываетъ на нѣкоторую «невинность» г. Ярцева въ области умозрѣнія. При такой невинности, не удивительно, что онъ написалъ «въ новомъ театрѣ не можетъ быть новаго актера», и тѣмъ не менѣе этотъ новый театръ, будто-бы, возможенъ, и что мелодрама «условна», и потому такъ похожа на «новый театръ». Реализмъ же, будто-бы, не «условенъ».

Все безсиліе не только на дѣлѣ, въ области театральной постановки, но и въ теоріи, какъ она выходитъ изъ-подъ пера гг. Мейерхольда и Ярцева, совокупными усиліями утѣжившихъ т. е. стилизовавшихъ театръ г-жи Коммисаржевской,—объясняется однимъ кореннымъ заблужденіемъ, которое можно назвать режиссерской мономаніей. У французовъ есть выраженіе «chercher midi à quatorze heures», искать полдень въ четырнадцать часовъ. Вотъ такого рода безплодными поисками и занимаются г. Мейерхольдъ и иже съ нимъ.

Разъ для г. Ярцева ясно, что актерская душа не можетъ дать того, что ему мерещится, значитъ то, что ему мерещится, вовсе и не есть театръ. Вотъ Метерлинкъ—тотъ прямо сказалъ, что для его пьесъ нужны куклы, маріонетки. Существуетъ и названіе такое—«театръ маріонетокъ», но, конечно, это не тотъ «театръ», который мы имѣемъ въ виду. Есть театръ фееріи, синематографа, научный «театръ» «Уранія» въ Берлинѣ, но все это, разумѣется, лежитъ въ другой «плоскости», какъ нынче говорятъ. Театръ, который мы любимъ и къ которому мы стремимся, есть «лицедѣйство». Это—неопровержимо. Его происхожденіе, его корень совсѣмъ не въ религіи и молитвахъ, не въ хорахъ и мистеріяхъ. И религія, и молитва, и мистерія, и хоръ—все это пользовалось театральною, изначальною способностью человѣка въ своихъ служебныхъ цѣляхъ! Сущность театральной способности человѣка—воспроизведеніе міра ощущений и впечатлѣній своимъ тѣломъ, своей душой, своими физическими и духовными средствами. Гримаса передрозниванія—вотъ «рудиментъ» театра. Если стать на эту, единственную правильную, точку зрѣнія, тогда станетъ ясно, что «новый театръ», о которомъ хлопочетъ г. Мейерхольдъ, находящійся, по выраженію г. Ярцева, «весь на сторонѣ декораций, костюмовъ, группъ, движеній»—есть такъ же полустарый театръ г. Станиславскаго, только одинъ эти декорации, группы и пр. малюетъ такъ, а другой этакъ. Все это относится до театра фееріи, а не до театра актера. Вотъ почему здѣсь актеръ не столько невозможенъ, сколько просто ненуженъ...

И вотъ почему я, относившійся отрицательно къ театральнымъ принципамъ г. Станиславскаго, отнесся съ перваго же момента такъ же отрицательно къ затѣямъ г. Мейерхольда. Оба они, по выраженію Гейне, взрыли грядки и посѣяли чулки, надеясь, что выростутъ отцовскіе штаны. Тотъ «новый», т. е. «обновленный» театръ, который придеть, который долженъ придти, потому что все мѣняется, все течетъ и все развивается, выростетъ изъ новаго актера, который станетъ тоньше, интимнѣе, духовнѣе, воздушнѣе, что ли, нынѣшняго. Мы понимаемъ выраженіе лица, когда человѣкъ дрогнетъ бровью или пробѣжитъ мимолетная тѣнь,—въ старину люди были проще и грубѣе, и имъ нужны были крики и сжатые кулаки. Они выражали свои чувства размахистѣе, шире, наивнѣе. Новый актеръ будетъ сдержаннѣе, чувствительнѣе, задушевнѣе. «Звуки» и «краски», которыхъ безнадёжно ищутъ, явятся сами собою, ибо они будутъ исходить отъ автора «звуковъ» и «красокъ»—отъ актера. Если же ихъ нѣтъ у актеровъ, т. е. у

авторовъ «звуковъ» и «красокъ»,—то ихъ, значитъ, нѣтъ въ природѣ, и о чемъ тутъ толковать? Я не то, что отрицаю за г. Ярцевымъ право искать эти «звуки» и «краски» — нѣтъ, я говорю, что ихъ у него и не можетъ быть.

Наше познаніе не можетъ не покоиться на опытѣ и наблюденіи. Если вы этихъ звуковъ не слышали (хотя бы въ элементарномъ видѣ) въ жизни, если вы этихъ красокъ не видѣли — какъ можете вы себѣ ихъ представить? На Марсѣ имѣются живыя существа, и хотя мы знаемъ удѣльный вѣсъ атмосферы Марса, форму планеты, величину ея и пр., — все-таки мы эти существа представить себѣ не можемъ. У Фламмаріона, Уэльса и др. встрѣчаются описанія жителей Марса, но при всей пылкости фантазіи, ни они образно намъ ничего передать не могутъ, ни мы имъ повѣрить.

Гибель театра — въ появленіи режиссерскаго «сверхъ-человѣка», и г. Мейерхольдъ (оставляю въ сторонѣ степень его способностей) есть, безспорно, характерная въ этомъ отношеніи фигура. Подлинно, на нынѣшнихъ режиссерскихъ сверхъ-человѣкахъ горитъ Антихристовая печать. Кто онъ, этотъ мономанъ современнаго театрального вседержительства? Неизвѣстно. Откуда онъ явился? То же неизвѣстно. Но онъ пришелъ—и въ одинъ прекрасный день все «слопалъ». Слопалъ, во-первыхъ, литературу. Объ этомъ писалъ самъ г. Мейерхольдъ, доказывая, что «стиль» автора — самъ по себѣ, а «стиль» «постановки» — самъ по себѣ. Слопалъ, во-вторыхъ, актера. Объ этомъ пишетъ г. Ярцевъ, объясняя, что хотя такого актера, какой нуженъ режиссерскому сверхъ-человѣку, въ природѣ не существуетъ, тѣмъ не менѣе театръ будетъ «поддѣлывать» чувство и выраженіе, до тѣхъ поръ, пока «овладѣетъ искусствомъ актера», т. е. выдрессируетъ его, какъ пуделя изъ цирка. И до такой степени эти господа увѣрены въ томъ, что «овладѣли» истиною, что и не замѣчаютъ своего самозванства. Кто вы? Что вы? Почему именно вы говорите отъ имени театра? Кто изъ художниковъ сцены передовѣрилъ вамъ права свои?

Театръ превратился въ фабрику. Господствуетъ начало мельчайшаго раздѣленія труда, и по мѣрѣ возростанія этого господства, падаетъ и сокращается свобода самоопредѣленія каждаго. Маленькій винтикъ огромнаго механизма становится работою цѣлаго. Индивидуальность гибнетъ не только потому, что условія большой фабрики, которою завѣдуетъ сверхъ-человѣкъ божественнаго происхожденія, именуемый режиссеромъ, благопріятствуютъ этой гибели, но и потому, что этой индивидуальности объявлена беспощадная война, что противъ нее ведется правильная осада. Литературу, актеровъ, луну, погоду — все дѣлаетъ «театръ», какъ выражается г. Ярцевъ, т. е. режиссеръ. Онъ изготовляетъ штампъ, сдаетъ въ мастерскую, и по немъ чеканятъ полумимперіалы, и вездѣ одни и тѣ же портреты: Мейерхольдъ I, Станиславскій II, Ярцевъ III, Фердинандъ VIII... Такъ хочетъ «театръ». А кто такой «театръ»? Режиссеръ! А кто такой режиссеръ? Узурпаторъ!..

Г. Мейерхольдъ палъ... Но паденіе его послужитъ ли началомъ пересмотра режиссерскаго сверхъ-человѣчества? Кажется, у Овидія Икаръ говорить: Si cadendum est, coelum cecidisse velim—т. е. если суждено упасть, то пусть упаду я съ неба...

А. Кугель.

Казахскія письма.

VIII.

Въ окружномъ судѣ завершился недавно грустный эпилогъ трагической исторіи покойнаго Галицкаго. Трагической во всѣхъ отношеніяхъ: своимъ мрачнымъ финаломъ—совершенно случайною смертію здороваго человѣка, полного силъ, отъ шальной пули подвыпившаго работника, трагична въ сущности эта исторія и тѣми надрывающими душу глубоко мѣщанскими бытовыми штрихами, которыя обнажились при разборѣ дѣла въ судѣ. Спали „истлѣвшія личности“. Обнажилось „слишкомъ человѣческое“.

Это было въ общемъ безнадежно-ординарное, скучное дѣло объ убійствѣ „по пьяному дѣлу“ курскаго мѣщанина Георгія Станиславовича Васютченко 57 лѣтъ. Никому Васютченко извѣстенъ не былъ и дѣло объ убійствѣ его, естественно, должно было-бы потонуть въ массѣ подобныхъ дѣлъ.

Но Галицкій!

Скоро годовщина его смерти. Не грѣхъ помянуть его. Боюсь, что вы упрекнете меня въ склонности къ преувеличеніямъ, въ излишнемъ лиризмѣ. На мой взглядъ, покойный Галицкій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся провинциальныхъ актеровъ. Въ Казани это былъ положительно властитель думъ и сердецъ зрителей. Столица мало знала его. Онъ сошелъ въ могилу недостаточно оцѣненный. Въ большомъ, сильномъ тѣлѣ этого человѣка жилъ могучій, природный талантъ. Онъ не произвождалъ впечатлѣнія человѣка тонкой и сложной культуры. То была не многогранная, а скорѣй простая, непосредственная натура, но то иррациональное, трудно опредѣлимое, что мы зовемъ художественнымъ чутьемъ, всегда помогало ему создавать живые образы, полные страсти, крови, темперамента. Вотъ именно огромный темпераментъ былъ самой выдающейся стороной его таланта. И такова сила этого хотя-бы не отшлифованнаго дара природы, что старый актеръ старой школы Галицкій находилъ вѣрныя ноты въ столь чудныхъ ему по духу и структурѣ пьесахъ Пишвишескаго. Онъ владѣлъ магической палочкой волшебника, подъ которой мертвыя слова воплощались въ живые образы. Артистъ онъ былъ.

А теперь нѣсколько словъ о Васютченкѣ.

На скамьѣ подсудимыхъ понуро сидѣлъ худой задержанный человѣкъ съ тюремно-блѣднымъ лицомъ. Служилъ онъ плотникомъ при строившейся дачѣ Галицкаго. Галицкій частенько бывалъ крутъ, скорѣй на руку, любилъ „черное“ слово. Плотникъ оказался человѣкомъ самолюбивымъ и обидчивымъ. Въ то же время полюбивался, выпивалъ. На этой почвѣ между хозяиномъ и работникомъ частенько происходили стычки. Въ роковой день плотникъ опять оказался неаккуратнымъ. Галицкій тутъ же его расчиталъ и сталъ гнать изъ дома. Дѣло было зимой; уже смеркалось, поднималась вьюга. Но Галицкій требовалъ, чтобы работникъ сейчасъ же убирался съ женой и съ своими малыми дѣтьми. Зимой, вечеромъ. Куда? Все равно. Вонъ. Да еще непременно оставить „инструментъ“. „Инструментъ“ переполнилъ чашу. Плотникъ утверждалъ, что инструментъ его. Принадлежитъ ему.

Грянули злые выстрѣлы.

Очевидцевъ происшествія, кромѣ подсудимаго и Галицкаго, не было. Установлено было, что Галицкій избилъ подсудимаго. Онъ выскочилъ послѣ стрѣльбы окровавленный. На судѣ между прокуроромъ и защитникомъ шелъ горячій споръ о томъ, были-ли Галицкій въ день событія трезвъ. Обстоятельство это окончательно установлено не было. Присяжные за сѣдатели вынесли обвинительный вердиктъ. Самооборона, на которой строилась защита, была отвергнута, но наказаніе сравнительно легкое: два года тюрьмы.

Галицкій жилъ тяжело раненый дня два. Онъ пожелалъ дать показаніе слѣдователю. Это показаніе было оглашено на судѣ. Показывалъ онъ пространно и топилъ убійцу. Налегалъ на то, что тотъ стрѣлялъ въ него именно съ цѣлью убить. Отъ тяжко страдающаго, умирающаго человѣка требовать не приходится, но непріятно мстительныя ноты слышатся въ показаніяхъ Васютченки.

Имѣеть нѣкоторые счеты съ Оемидой еще одинъ артистъ подвизавшейся у насъ драматическій труппы. Въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось объявленіе, перепечатанное въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, что казанскій сѣздъ мировыхъ судей разыскиваетъ мѣщанина города Маринска Томской губ., „по профессіи артиста театральнаго искусства“ (слѣдуетъ фамилія и пр., приводить здѣсь считаю излишнимъ), обвиняемаго въ оскорбленіи Семена Агаповича Корсикова-Андреева. При семъ рекомендуется всѣмъ, кому извѣстно мѣсто пребыванія оскорбителя, не только заявить о семъ куда слѣдуетъ, но и имущество оскорбителя предписывается отдать въ опекуное управленіе. Вотъ что значитъ оскорбить Семена Агаповича. Que les méchants tremblent.

Берегитесь, обидчики!

Артистъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ провинціи безызвѣстенъ, г. Корсиковъ-Андреевъ—довольно видный сценическій дѣятель. Но, подите же, другого средства разобраться, найти

удовлетвореніе оскорбленному чувству, кромѣ юстиціи мирового, не оказалось.

Вотъ вамъ и союзъ и третейскій судъ и прочія хорошія слова.

Все та же Оемида въ образѣ на этотъ разъ полицейскаго чиновника безъ труда приводитъ меня къ повѣствованію о текущихъ дѣлахъ. Именно къ посредничеству полиціи обратился мужской хоръ. Большіе нелады возникли между г. Эйхенвальдомъ, какъ антрепренеромъ изъ-за хормейстера. Два хориста были обвинены въ томъ, что громко говорили во время репетиціи. Хормейстеръ разсердился и ушелъ съ репетиціи. Разошелся и хоръ. Послѣдовалъ штрафъ. Хоръ отказался являться на репетицію. Дѣло крайне обострилось. Въ концѣ концовъ весь мужской хоръ оказался оштрафованнымъ. Въ „Ролжскомъ Листкѣ“ появилось скорбное письмо хора, подписанное „мужской хоръ“. Въ письмѣ заявляется, что хоръ признаетъ штрафъ неправильно наложеннымъ, но силою вещей принужденъ подчиниться. Женскій хоръ остался совершенно въ сторонѣ.

Главнымъ событіемъ нашей театральной жизни были гастроли г-жи Бобровой-Пфейферъ. Первый выходъ ея выросъ именно въ цѣлое „событіе“. Достаточно сказать, что репортеръ, описывая въ мѣстной газетѣ первый выходъ г-жи Бобровой, замѣтилъ, что для этого спектакля даже „кавалеры попріодѣлись“. Это ужъ, такъ сказать, „couleur locale“. Надо однако сказать, что первый спектакль съ участіемъ г-жи Бобровой-Пфейферъ дѣйствительно прошель экстраординарно. Публика принимала артистку необыкновенно тепло и радушно. Г-жа Боброва пѣла и играла превосходно. У артистки все тотъ же чарующаго тембра голосъ, одинаково звучный и ласкающій во всѣхъ регистрахъ. Та же подвижность и отчетливая изящная колоратура. Кромѣ „Травіаты“ г-жа Боброва выступила и съ тѣмъ же успѣхомъ въ „Ромео и Джульеттѣ“, въ „Миньонѣ“, „Снѣгурочкѣ“ и „Лакмѣ“.

Для антрепризы г-жа Боброва-Пфейферъ оказалась прямо Маскоттой. Первый спектакль, несмотря на бенефисныя цѣны, на то, что шла старушка „Травіата“, прошель съ аншлагомъ и далъ сборъ, какого въ Казани никогда еще не было. Поддерживаютъ сборы отчасти и „благодарительныя“ спектакли. Они оказываются весьма не „злотовителными“ и для дирекціи, ибо гг. благодотворители при продажѣ билетовъ дѣйствуютъ своими, какъ извѣстно, подчасъ весьма жестокими средствами.

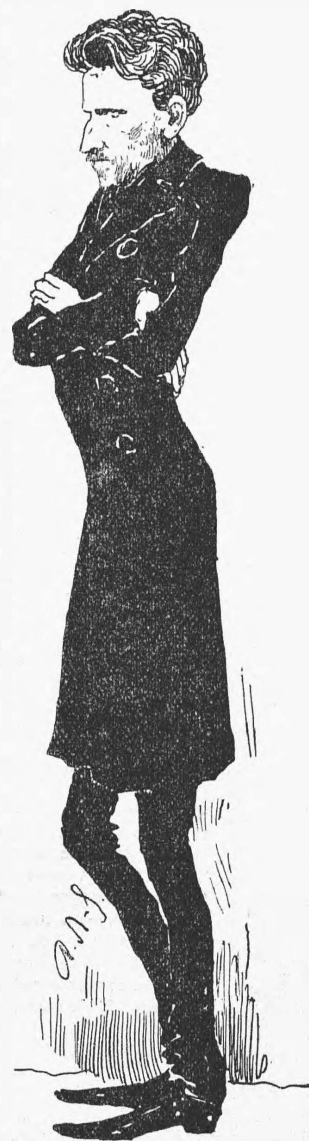
У васъ уже были помѣщены свѣдѣнія о томъ, какія оперы у насъ шли. До сихъ поръ ни одной новой оперы не поставлено. Общакую въ скоромъ времени поставить „Алеко“. Не жирно

Прошли бенефисы симпатичнаго баса г. Сергѣева, лучшей у насъ меццо-сопрано Ковельковой (Миньона) пользующейся успѣхомъ г-жи Осиповой (Снѣгурочка). Блистательно, со множествомъ подношеній, вызовами, словомъ „по всѣмъ преданьямъ старины“ прошель бенефисъ г. Борисенко („Гугеноты“), который несетъ почти весь репертуаръ драматическаго тенора. Завоевалъ себѣ успѣхъ другой теноръ г. Чаровъ, прекрасный даровитый артистъ, поющій всегда музыкально, со вкусомъ. Стала любимицей публики г-жа Векшемская. Съ перемѣннымъ успѣхомъ выступаетъ г. Яковлевъ. Назову еще изъ обширной труппы г-жу Карпову (хорошія голосовыя средства, спѣла Гориславу, Тамару, Купаву, Оксану и пр.), г-жу Андрееву (довольно интересная въ сценическомъ отношеніи Карменъ), г-жа Шихуцкая (отличная няня въ „Онѣгинѣ“, посредственная Солоха и столь же посредственный Ратмиръ), наконецъ много общающуюся г-жу Пушечникову (Ольга въ „Онѣгинѣ“, Фредерикъ въ „Миньонѣ“).

Вполнѣ основательно публика наша цѣнитъ дирижерскій талантъ г. Эйхенвальда, но за дирижерскимъ пултомъ чаще всего появляется г. Аслановъ—интеллигентный и очень толковый музыкантъ.

Сказаннымъ я могу считать выполненными мои обязанности театральнаго отмѣтника. Если мои отзывы объ артистахъ лаконичны, то за то мѣстные рецензенты пишутъ о театрѣ и объ артистахъ очень много. Чуть-ли не о каждомъ спектаклѣ. Не обходится дѣло и безъ рецензентскихъ курьезовъ.

Знаменіе времени! Театральная рецензія чудовищно раз-

„Послѣ Ватерлоо“
или В. Э. Мейер-
хольдъ на островѣ
Св. Елены.
(Портретъ-Шаржъ).

роспась, распухла и заняла въ газетѣ пожалуй слишкомъ большое мѣсто. О причинахъ этого явленія незначѣмъ распространяться.

Онѣ ясны.

Въ заключеніе позвольте нѣсколько цифръ.

Взято оперой за октябрь—22,276 р. 19 коп. (въ прошломъ году за тотъ же мѣсяцъ было взято 19,493 р. 43 коп.). Всего дано въ октябрь 32 спектакля, изъ нихъ три утренника (на кругъ—227 р.), 5 общедоступныхъ спект.—взято на кругъ по 370 р., наконецъ 24 обыкновенныхъ спектакля дали на кругъ по 875 р. Въ общемъ товарищество заработало болѣе рубля на марку.

Я уже заканчивалъ мое письмо, когда узналъ, что г-жа Боброва по окончаніи своихъ гастролей покидаетъ нашъ театръ. Жаль. Она оставитъ незаполнимый пробѣлъ. При всемъ моемъ уваженіи къ таланту г-жи Осиповой нахожу, что она только, такъ сказать, исправляющая должность колоратурнаго сопрано. Впрочемъ, въ воздухѣ пахнетъ опереткой. А тутъ все сойдеть.

М. Зельдовичъ.

Режиссерскія замѣтки.

(„Смерчъ“ („Дѣльцы“) въ театрѣ Лит.-Худ. Общества).

Декорация: 1 и 3 дѣйствій — просторная, чистая комната, служащая въ одно время и столовой, и рабочимъ кабинетомъ. Обстановка средняя. Мебель смѣшанная: гостинная, столовая и кабинетная. Стѣны увѣшаны чертежами, планами, снимками и проч. 1-е дѣйствіе — ясный солнечный день. 3-е дѣйствіе — пасмурный день. Декорация 2-го дѣйствія — богато-убранный кабинетъ, въ новомъ англійскомъ стилѣ. Въ обстановкѣ много вкуса, изящества и простоты. Мебель легкая, мягкая новаго стиля. Много цвѣтовъ. Изъ среднихъ оконъ видна аллея сада съ множествомъ цвѣточныхъ клумбъ. Все освѣщено яркимъ солнцемъ. Декорация 4-го дѣйствія: — На поверхности шахты. Штольная. Черезъ всю сцену рельсы, по которымъ ходятъ вагонетки. Сарай для пріема угля изъ вагонетокъ, налѣво отъ зрителя. Надъ нимъ, на крыжѣ — костеръ. Ночь. Въ концѣ дѣйствія луна.

Костюмы: Бѣльскій: въ 1 д. — высокіе сапоги, бѣлая тулупка инженера, фуражка, во 2 — сюртукъ инженера, ботинки. Зайцевъ, въ 1 и 2 д. — тулупка форменная, застѣгнутая на всѣ пуговицы, высокіе сапоги, фуражка форменная.

Логгинъ-Рожновъ — сюртукъ черный, цвѣтной жилетъ, брюки темные, ботинки.

Сафоновъ — форменный сюртукъ, жилетъ темный, брюки темные и ботинки. Фуражка форменная.

Савелій — шведская кожаная куртка, высокіе сапоги, картузъ.

Ефимъ — пиджакъ легкій, темный, рубаха ситцевая, темные брюки, высокіе сапоги, картузъ.

Маланья — ситцевая темная юбка, такая же кофта, бѣлый фартукъ, голова повязана ситцевымъ платкомъ.

Лакей — въ ливреѣ.

Остальные — въ городскихъ современныхъ костюмахъ.

Рабочіе — въ костюмахъ шахтеровъ.

Муратова — свѣтлые, легкіе туалеты. Въ послѣднемъ актѣ косынка. Вѣра — черная юбка, на подъемъ, и цвѣтная кофточка.

Х.

Агзажементы.

(Заклученные въ бюро Т. О.).

Саратовъ-Казань. Къ Н. И. Извольскому — И. А. Брошинъ.

Казань-Саратовъ. Въ оперную труппу А. А. Эйхенвальда — Е. П. Слѣпова.

Одесса. Въ оперетку С. Н. Новикова — М. Я. Иванова.

Архангельскъ. Въ драму Г. И. Леонова — Е. П. Муромскій.

Херсонъ. Въ драматическую труппу М. Н. Строителя — А. А. Тугановъ.

Астрахань. Въ драматическую труппу П. П. Струйского — М. А. Чечинъ.

Варшава. Въ труппу М. И. Чернова — В. Н. Каринъ.

Екатеринославъ. Въ труппу И. П. Соловьева — А. И. Комарскій и А. В. Коренева.

Екатеринбургъ-Пермь. Въ труппу А. А. Левицкаго — Л. М. Фарберъ и К. М. Логиновъ.

Красноярскъ. Въ драматическую труппу Н. Н. Отрадиной — А. А. Трубецкой.

По Провихнію.

Варшава. Директоръ варшавскаго музыкальнаго института Э. К. Млынарскій покидаетъ свой постъ.

Вильна. „Исключительно для взрослыхъ“ — съ такимъ аншлагомъ шла въ Городскомъ театрѣ пьеса Ведекинда „Пробужденіе весны“.

Г. Соболевъ-Самаринъ въ Саратовѣ рекомендовалъ въ анонсахъ пьесу родителямъ и лицамъ, на коихъ лежитъ попеченіе о воспитаніи дѣтей.

Очевидно, это дѣйствуетъ...

Вологда. Сняты съ репертуара по распоряженію администрации „Черные вороны“.

Воронежъ. Ходатайство „союзниковъ“ о воспрещеніи постановки „Черныхъ вороновъ“ отклонено. Наконецъ-то!...

Вятка. Въ „Вятск. Кр.“ находимъ такой курьезъ:

Въ городскомъ театрѣ шла оперетка „Птички пѣвчія“. Въ третьемъ актѣ, обыкновенно, узникъ валитъ губернатора на полъ и забрасываетъ соломою. При этомъ г. Вершининъ, игравшій роль узника, позволилъ себѣ сказать фразу: „12 лѣтъ не былъ въ такомъ положеніи, 12 лѣтъ не сидѣлъ на губернаторѣ“, не оказавшюся въ разрѣшенномъ экземплярѣ. Эта „отсебятина“ допускается многими артистами. Но здѣсь обидѣлись. Составленъ протоколъ объ „оскорбленіи должности, безъ упоминанія личности“ — въ перспективѣ 3 мѣсяца или высылка. Депутация изъ товарищей ходившая къ губернатору Горчакову, не добила никакого результата.

Казань. За второй мѣсяцъ опера А. А. Эйхенвальда взяла валового сбора 22,276 р. 19 к. Въ предыдущіе годы тотъ же октябрь далъ: въ 1903 г. — 21,223 р. 59 к.; въ 1904 г. — 18,850 руб. и въ 1906 г. (прошломъ) 19,493 р. На марки выработано, какъ и въ прошломъ мѣсяцѣ, выше рубля.

Труппа пополнилась басомъ Н. И. Улухановымъ, служившимъ въ Москвѣ въ Солодовниковскомъ театрѣ, ведутся также переговоры съ артистомъ того же театра баритономъ г. Томскимъ. Хорошіе результаты работы товарищества подвинули ихъ къ рѣшенію не прекращать дѣла и во время Великаго поста, для чего теперь уже начаты переговоры съ арендаторами театровъ въ городахъ, ближайшихъ къ Волгѣ.

Здѣсь началась повальная болѣзнь артистовъ. Переболѣли всѣ. Ежедневно, въ виду этого, репертуаръ мѣнялся. Театръ устроенъ такъ, что днемъ на репетиціи царствуетъ такая-же стужа какъ и на улицѣ... Артисты отказываются пѣть, отказываются ходить на репетиціи. Оперное товарищество въ отчаянномъ положеніи.

Къ городу обращались, но... городъ безмолвствуетъ...

Кишиневъ. Первая постановка „Черныхъ вороновъ“ ознаменовалась скандальной выходкой со стороны союзниковъ, начавшихъ среди игры швырять на сцену селедки, соленые огурцы и другіе предметы. Спектакль доигранъ однако до конца. Пьеса снята съ репертуара.

Кіевъ. Всѣ послѣднія постановки въ театрѣ „Соловцовъ“ — „Грѣхъ“ Аша, „Электра“ (г-жа Коллэнъ), „Пыль райскаго дерева“ и „Пляска 7 покрывалъ“ (г-жа Карелина-Раичъ) успѣха не имѣли. Ближайшая новинка „Хорошенькая“ С. Найденова.

Въ составъ оперной труппы гор. театра вступилъ баритонъ г. Сокольскій.

Кіевское духовенство противъ репертуара мѣстныхъ театровъ. Въ состоявшемся на-дняхъ подѣ прѣсѣдательствомъ преосвященнаго Агапита собраніи мѣстныхъ пастырей обсуждался вопросъ о постановкѣ на кіевскихъ театральныя сценѣхъ противорелигіозныхъ и безнравственныхъ пьесъ. Постановленіе по этому вопросу рѣшено по телеграфу направить къ владыкѣ — митрополиту. Составлено оно въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Собраніе пастырей г. Кіева, глубоко скорбя по поводу того систематическаго развращенія нравовъ, которому подвергается особенно учащаяся молодежь, посѣщающая театральныя представленія, особенно фарсъ въ театрѣ Бергонье, боясь гнѣва Божія за нерадѣніе о соблазняющихся, въ засѣданіи 6 ноября единогласно постановило почтительнѣе просить ваше высокопреосвященство войти съ представленіемъ къ подлежащей власти о воспрещеніи постановки на кіевскихъ сценахъ пьесъ, оскорбляющихъ религіозное и нравственное чувство и вызывающихъ справедливое возмущеніе и негодованіе всѣхъ благомыслящихъ православныхъ христіанъ, а также о немедленномъ снятіи съ репертуара двухъ особенно выдѣляющихся въ указанномъ отношеніи пьесъ: „Пробужденіе весны“, глубоко безнравственной по своему содержанію, и „Черные вороны“, публично осмѣивающей монашество и чтимаго всей Россіей пастыря — о. Іоанна Кронштадтскаго“.

— Гл. В. И. Толли отказался отъ исполненія обязанностей прѣсѣдателя театральной коммисіи.

Кострома. 6-го ноября товариществомъ „Новой драмы“ была поставлена пьеса Ш. Аша „Богъ мести“ въ „переводѣ“ И. Юльева. „Экспроприаторская“ пьеса, такимъ образомъ, продолжаетъ свое побѣдоносное шествіе съ благословенія московскаго общества драматическихъ писателей.

Курскъ. По ходатайству мѣстнаго епископа, начальникъ

губерніи запретилъ постановку „Черныхъ вороновъ“. И. В. Мамлѣвъ-Погуляевъ въ свою очередь возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи пьесы.

Минскъ-Могилевъ-Витебскъ. Оперная труппа Е. А. Бѣляева закончила свои спектакли въ Минскѣ 13-го ноября и выѣхала въ Витебскъ.

Съ 15-го ноября въ Могилевѣ открылись спектакли драматической труппы Е. А. Бѣляева, пріѣхавшей сюда изъ Витебска. Для перваго спектакля была поставлена „Хаосъ“.

Н.-Новгородъ. „Черные вороны“ въ городскомъ театрѣ прошли 3 раза при полныхъ сборахъ. Въ 4-й разъ въ день спектакля постановка этой пьесы, какъ пишетъ „Волгарь“, не могла состояться и замѣнена была „Рафльсомъ“.

Причина замѣны ясна.

Объявлена „Пробужденіе весны“, изъ новинокъ прошель еще „Вихрь“. 11-го ноября была поставлена „Сафо“.

Одесса. Въ 20-хъ числахъ ноября въ городской думѣ будетъ окончательно рассмотрѣнъ вопросъ объ отдачѣ Городского театра не сезонно, а на болѣе продолжительный срокъ, т. е. на три года и болѣе.

Снова на страницахъ мѣстныхъ газетъ дебатировался вопросъ, что желательнѣе для Одессы — опера (италианская или русская) или драма. Докладъ театральной комисіи склоняется въ сторону желательности въ Городскомъ театрѣ русской оперы.

— Г-жа Шухмина оправилась отъ болѣзни и возвращается въ труппу.

— Репертуаръ истекшей недѣли: „Вѣчная сказка“, „Сѣверные богатыри“, „Коварство и любовь“, „Безчестные“ и „Чудо странника Антонія“, „Электра“ и новая пьеса „Инстинктъ“. 16-го состоялся бенефисъ г-жи Рахмановой — „Кандида“ Вернарда Шау и „M-ele Фифи“.

Рига. У К. Н. Незлобина „Пробужденіе весны“ и „Черные вороны“ продолжаютъ дѣлать полные сборы.

Ростовъ-на-Дону. Спектакли опернаго товарищества, подъ управленіемъ Г. О. Шумскаго, прекратились. Г. Шумскій отъ продолженія дѣла за свой страхъ отказался.

Изъ письма г. Шумскаго въ редакцію мѣстныхъ газетъ видно, что причина ликвидаціи дѣла не только въ плохихъ сборахъ.

„Въ итогъ, пишетъ г. Шумскій, — пропавшее лѣто и зима, пропавшіе 6,500 р. изъ личныхъ средствъ и столько же долговъ. Повторяю, причина ликвидаціи мною дѣла другая, ее я выясню нѣкоторое время спустя, считая неудобнымъ выяснять, пока не возобновятся оперные спектакли“.

На развалинахъ стараго товарищества съ предпринимателемъ (особый видъ товарищества съ предпринимателемъ?) образовалось новое товарищество, которое будетъ вести дѣло самостоятельно, безъ всякаго предпринимателя. Во главѣ новаго товарищества сталъ капельмейстеръ г. Позенъ.

Товарищество командировало въ Москву и Петербургъ своихъ уполномоченныхъ для пополненія хора и оркестра и приглашенія новыхъ артистовъ изъ труппъ Солодовниковскаго театра и Спб. Консерваторіи.

Саратовъ. Только на-дняхъ здѣсь впервые была поставлена „Жизнь человѣка“ въ бенефисъ г. Добровольскаго. Г. К. С. въ „Сар. Листкѣ“ рецензіи предпосылаетъ общія разсужденія о новомъ направленіи театра, о такъ называемомъ „стилизованномъ“ театрѣ.

„Можетъ быть, — говоритъ онъ, — стилизованная игра очень забавная вещь, но тогда называйте такое новѣйшее зрѣлище не театромъ, а какъ нибудь иначе. Въ послѣднее время появились-же синаематографы, биоскопы, электроскопы и разные прочіе „скопы“. Можете прибавить къ нимъ еще новое слово „театроскопы“, но только оставьте безъ скопческой операціи тотъ театръ, который жилъ живыми выраженіями человѣческихъ страстей и душевныхъ движеній“.

Харьковъ. Въ „Южн. Кр.“ читаемъ:

„Въ это воскресенье въ городскомъ театрѣ вечеромъ будетъ поставлена одинъ только разъ пьеса Протопопова „Черные вороны““.

Другая газета „Утро“ сообщаетъ, что пьеса (?) разрѣшена къ постановкѣ. Очевидно, послѣ долгихъ хлопотъ мѣстной администраціи дала разрѣшеніе только на одно представленіе.

Царицынъ. По распоряженію администраціи сняты съ репертуара „Черные вороны“ и „Весенній потокъ“.

заигранный ли репертуаръ, слабый ли составъ труппы, но фактъ тотъ, что дѣла антрепризы идутъ весьма неважно. За первый мѣсяцъ взято только 5000 р. при 7000 р. на кругъ мѣсячномъ расходѣ.

Пока прошли „Весенній потокъ“, „Мастеръ“, „Мама-Птичка“, „Кавалерійская атака“, „Влуждающіе огни“, „Воръ“ (2 р.), „Бѣдность не порокъ“, „Разбойники“ (2 р.), „Новый міръ“ (2 р.), „День деньщика Душкина“, „Честъ“, „Мораль пани Дульской“ (3 р.), „Вѣшныя деньги“, „Морскія ванны“, „Жертвы воспитанія“, „Струэнзе“, „Казнь“, „Тартюфъ“, „Инстинктъ“, „Коварство и любовь“, „Золотая Ева“, „А что есть у васъ предъявить“, „Уриель Акоста“, „Пробужденіе весны“, „Дядя Ваня“. Лучшіе сборы дали „Весенній потокъ“ (533) и „Мораль пани Дульской“ (387). За 30 спектаклей взято 6201 р., т. е. 207 р. на кругъ.

Пьесы стараго репертуара и веселыя новинки проходятъ въ исполненіи труппы очень недурно, — въ составѣ труппы такіе великолѣпные водевилные и фарсовые артисты, какъ г. Леоновъ и г-жа Стоянова. Новинки проходятъ вяло и скудно режиссерская часть хромаетъ. Кромѣ того новый модернизированный репертуаръ совершенно не по силамъ труппы. Исключеніе — г-жа Велизарій, хорошая и опытная артистка, вполне безупречная, если бы не нѣкоторые чисто внѣшніе ея недостатки. Г-жа Кряжева очень мило исполняетъ поручаемыя ей роли, но для исполненія каждый день новыхъ оригинальныхъ и тонкихъ типовъ у ней нѣтъ ни способностей, ни времени. Изъ мужского персонала нельзя обойти молчаніемъ г. Олигина. Г. Горину очень мѣшаетъ его недостатокъ голоса и нѣкоторая шаблонность жестовъ и манеръ. Этими именами и исчерпывается весь багажъ труппы. Отмѣтимъ, что въ труппѣ нѣтъ совершенно режиссера и хорошаго энженира, если не считать тѣхъ молодыхъ актеровъ, которымъ поручаются съ одинаковымъ успѣхомъ роли всѣхъ амплуа. Винить во всемъ этомъ одну антрепризу нельзя, были попытки и весьма крупныя дать воронежцамъ хорошую и умѣло подобранный репертуаръ, но всѣ разбивались о давящую непомѣрность арендной платы, вносимой за театръ, которая буквально убиваетъ всякую энергію. Городъ видитъ въ театрѣ только средство дохода, не больше, игнорируя его широкія просвѣтительныя задачи. Что можно дать хорошаго, когда аренда отнимаетъ болѣе половины всѣхъ доходовъ.

Вопросъ этотъ принимаетъ особую важность, такъ какъ срокъ аренды городского театра въ этомъ году оканчивается и предстоитъ сдача театра новому арендатору на 3 года.

Среди нашихъ „отцовъ города“ было замѣтно нѣчто вроде поздняго раскаянія. Слышались громкія слова о высокихъ просвѣтительныхъ задачахъ театра и т. п. Въ результатъ „добрыя намѣренія“ были погребены въ избранной театральной комисіи. Въмѣсто рѣшенія кардинальнаго вопроса, доходная ли городская лавочка театръ или культурно-просвѣтительное учрежденіе, на которое необходимо тратить, а не взымать деньги, комиссія занялась совершенно второстепенными вопросами. Въ комиссію стали поступать предложенія отъ антрепренеровъ, одно другого заманчивѣе: и громадныя арендныя платы, и прекрасныя силы. Комиссія, развѣсивъ уши, забыла горькій опытъ прежнихъ лѣтъ, когда все это оказывалось на дѣлѣ совершеннымъ пухомъ.

Въ новомъ театрѣ В. К. Попова 30 октября открылись спектакли малороссовъ подъ упр. г. Тогобочнаго. Въ труппѣ есть хорошіе голоса. Сборы однако самые плачевные — отъ 50 до 100 р. Труппа остановилась у насъ временно и только ищетъ города, чтобы скрыться отъ негостепріимныхъ воронежцевъ.

Въ Народномъ домѣ подвизается желѣзнодорожный любительскій кружокъ, имѣющій свою публику и потому дѣлающій небольшие сборы.

К. Владиміровъ.

Вильна. Городской театръ продолжаетъ дѣлать хорошіе сборы. Серьезное отношеніе къ дѣлу, повидимому, замѣчено и оцѣнено публикой.

Репертуаръ — „съ разрѣшенія начальства“ — довольно интересный. Однажды удалось даже поставить „Черныхъ вороновъ“, но мѣстный отдѣлъ союза русскаго народа, ревниво охраняя инородцевъ отъ дефлораціи, обратился за содѣйствіемъ къ архіерею, послѣдній — къ губернатору, и пьесу запретили.

Пьеса сдѣлала полный сборъ, смотрѣлась съ интересомъ, или — вѣрнѣе — „съ любопытствомъ“. Поставлена была пьеса тщательно, играли хорошо, и — лучше другихъ: г-жи Иридина — Краева, Островская — Гусева, Мрозовская — Варвара; гг. Рейхштадтъ — Викторъ Александровичъ и Урванцовъ — Семень.

„Трагедію ученика“ также запретили, по желанію гг. педагоговъ. „Жизнь человѣка“ прошла 4 раза, оригинально поставленная Н. Урванцовымъ на двойной сценѣ. Съ нѣкоторыми деталями постановки трудно согласиться. Такъ рисункомъ рамы для второй сцены послужила старинная лубочная картина, и всѣ эти надписи: „и такъ сіе на свѣтъ все превратно“, „суета суеть“ и т. д. въ сущности слишкомъ опредѣленно-стильны и мало подходятъ для пьесы „въ времени и пространствѣ“.

Провихціальная лѣтопись.

ВОРОНЕЖЪ. Зимній сезонъ въ самомъ разгарѣ. Въ одно время работаютъ 3 театра и циркъ, гдѣ чемпионы „міра“ и „странъ“ ежедневно показываютъ французскую борьбу. Въ городскомъ театрѣ дѣла драматической антрепризы В. И. Семенова далеко не блестящія. К. Е. Олигинъ, прежде входившій въ составъ антрепризы, теперь остается въ труппѣ на обычныхъ правахъ артиста. Чрезвычайная ли дешевизна цѣнъ,

Нѣкто въ сѣромъ — г. Тарасовъ, Человѣкъ — г. Рыбниковъ и Жена человѣка — г-жа Мрозовская были безукоризненно хороши.

5 разъ при полномъ сборѣ прошелъ „Макбетъ“. Возобновленъ „Вильгельмъ Телль“, шелъ „Рафльсъ“, „Обреченные“.

Г. Путятю, — интересней Рафльсъ, былъ менѣе удачнымъ Кручиннымъ въ „Обреченныхъ“. Въ послѣдней пьесѣ опять таки выдѣлялся г. Рыбниковъ, всегда разнообразно, тщательно и интересно отдѣлывающій каждую роль.

6 ноября въ первый разъ при полномъ сборѣ прошло „Пробужденіе весны“ въ переводѣ Е. Кугель. Поставлена пьеса Мартновымъ и Урванцовымъ ex consilio и поставлена очень хорошо. Г-жа Павлоградская — Вендла, г-жа Чаруская — Ильза и г. Ермоловъ — Морицъ дали яркія, полныя жизни, фигуры.

Въ манежѣ репертуаръ на всѣ вкусы: „Цѣна жизни“, „Дѣв сиротки“, „Кинъ“, „Колдунья“, „Коварство и любовь“, „Ограбленная почта“, „Жидовка“, „Макбетъ“, „Казнь“. М—р.

ВЛАДИМИРЪ губ. Зимній сезонъ 1907 — 1908 г. Драма. Антреприза Г. П. Ростова. Составъ труппы: О. А. Трефилова — героиня и coquette, Н. В. Туманова — ingénue dramatique, О. Я. Морозова — grande dame и доам. старуха, М. В. Сергѣева — комическая старуха, Н. В. Антонова — ingénue, Е. Г. Востокова — 2-я ingénue, В. Н. Грибау-Пономарева — 2-я ком. и драм. старуха, Н. Н. Надеждина и М. А. Тайга — 2-я роли, Г. П. Ростовъ — герой-любовникъ и характ. роли, Н. Н. Пономаревъ — герой-резонеръ, П. Д. Соколовъ — комикъ, С. П. Броневскій — характ. роли, А. Х. Ставрогинъ — любовникъ, Н. Н. Реймерсъ — фатъ-резонеръ, В. И. Хохловъ — 2-й комикъ и характ. роли, С. А. Петровскій — простакъ, Е. Я. Неволитъ — 2-я роли и Е. А. Востоковъ — 2-я роли. Главнѣйшій режиссеръ Г. П. Ростовъ. Очередные режиссеры С. П. Броневскій и М. А. Дмитриевъ. Пом. режиссера Е. А. Востоковъ. Декораторы: художникъ мюнхенской академіи художествъ — В. И. Хохловъ и В. О. Бурлаковъ.

1 октября состоялось открытіе. Поставлена была передѣлка Крылова и Сутугина по роману Достоевскаго „Идіотъ“. Пальма первенства въ этомъ спектаклѣ принадлежитъ г. Ростову — кн. Мышкинъ — одна изъ лучшихъ ролей въ репертуарѣ артиста.

Нельзя отказать въ большой сценической опытности г-жѣ Трефиловой, которая провела трудную и, пожалуй, недостаточно ясно очерченную роль Настасьи Филипповны съ большимъ подъемомъ и чувствомъ. Прекрасенъ былъ г. Соколовъ въ роли генерала Иволгина. Труппа подобрана очень хорошо. Спектакль обставленъ съ полнымъ ансамблемъ. Надо отмѣтить какъ безусловно хорошихъ исполнителей г-жѣ Туманову — Аглая, Морозову — Епанчина, гг. Броневскаго — Фердыщенко, Пономарева — Рогожинъ и Ставрогинъ — Ганя. Сборъ полный. 2 октября поставлена была „Селѣмая заповѣдь“, 4-го „Хаосъ“ (2 раза), „Преступленіе и наказаніе“, „Милліоны“ и пр. Пьесы прошли съ ансамблемъ и имѣли успѣхъ.

Дирекція Народнаго дома сыграла съ г. Ростовымъ злую шутку, давъ театру „русско-малорусско-драматическо-опереточно“, какъ себя именовала на афишахъ, труппѣ г. Бродерова, которая окончила свои гастроли 30 сентября, накануне открытія спектаклей г. Ростова, пробывъ въ городѣ, такимъ образомъ, цѣлый мѣсяцъ. Труппа эта сдѣлала очень хорошія дѣла.

Предполагается открыть серію спектаклей для учащейся молодежи съ чтеніемъ рефератовъ передъ началомъ спектакля. Въ теченіе зона пойдутъ лучшія пьесы русскихъ классиковъ. Начнутъ съ Фонвизина.

ТУЛА. Въ драматическомъ театрѣ О. П. Зарайской дѣла очень недурныя. Заново отремонтированный театръ производитъ пріятное впечатлѣніе. Въ антрактахъ играетъ очень приличный оркестръ. Репертуаръ интересный. Изъ поставленныхъ пьесъ съ полнымъ успѣхомъ прошли: „Горячее сердце“ (3 р.), „Горькая судьбина“ (2 р.), „Богъ мести“ (3 р.), „Братья-помѣщики“ (4 р.), „Слушай Израиль“ (2 р.), „Въ неравной борьбѣ“ (3 р.), „Чортушка“, „Клятвеннопреступникъ“, „Гибель Содомъ“, „Будни“, „Женскій парламентъ“, „На дворѣ во флигелѣ“, „Праздникъ жизни“ и др. Изъ отдѣльныхъ исполнителей обращаютъ на себя вниманіе г-жи: Милюкова, Некрасова, Сильвина-Томская, Элліасъ; гг.: Валерьяновъ, Ленскій, Херсонскій, Кондратьевъ, — люди безусловно способные. Очень хорошъ г. Платовъ въ маленькихъ, вводныхъ роляхъ. И. Н. Херсонскій зарекомендовалъ себя опытнымъ, дѣльнымъ режиссеромъ.

Изъ дальнѣйшаго репертуара анонсируются: „Безпечальныя“, „Эросъ и Психея“, „Варвары“, „Убѣжище“, „Недруги“, „Красотка съ дивными глазами“, „Орленокъ“ и др.

НОВГОРОДЪ. Городской зимній театръ сданъ на нынѣшній сезонъ артисту — антрепренеру А. И. Крамову. Сезонъ открылся 1 Октября пьесой „Строители жизни“. Затѣмъ прошли „Послѣдняя воля“, „Въ городѣ“, „Новая жизнь“, „Буржуи“, „Откуда сыр-боръ загорѣлся“, „Игра въ любовь“, „Жизнь человѣка“, „Недруги“, „Дѣти солнца“, „Лишенный правъ“ и „Погромъ“. Ставятся также вовелили съ пѣніемъ. Составъ труппы: г-жи Е. А. Виноградова, Т. М. Владимірова, Н. Е. Егорова, Я. А. Лелива, Н. Ф. Роккиджани, М. Л. Солнцева,

В. Е. Уранова, Н. Я. Чистякова 1-ая, Е. Я. Чистякова 2-ая, А. Е. Яновская; г-да А. Н. Брянскій, В. М. Глѣбовъ, С. А. Дольскій, К. К. Истоминъ, Н. В. Извольскій, А. И. Крамовъ, Д. А. Новскій, М. Д. Плавскій (суфлеръ), Н. Ф. Плесковъ, Ф. Н. Тихоновъ (художникъ — декораторъ), И. С. Черновъ (пом. реж.) и А. А. Яновскій. Режиссируетъ А. И. Крамовъ. Труппа имѣетъ успѣхъ, спектакли обставляются весьма прилично. Сборъ — средній и составляютъ 46 % полного сбора по нормальнымъ цѣнамъ. Наибольшій сборъ (изъ рядовыхъ) спектаклей дала пьеса: „Жизнь человѣка“.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. У насъ играетъ теперь постоянная драматическая труппа М. А. Борисовой. Составъ труппы (по алфавиту) г-жи Борисова, Вальтеръ, Евгеньева, Зорина, Краевская, Морская, Новосельская, Никольская, Рыжова, Рахилина, Стронская, Филиппова; гг. Арсеньевъ, Баталинъ, Верховскій, Гонта, Жигачевъ, Константиновъ, Крымневъ, Кадниковъ, Марковъ, Медвѣдевъ, Николаевъ, Полтавинъ, Рахилинъ, Спровъ. Суфлеръ г. Новосельскій, помощ. режис. Островскій. Прошелъ уже мѣсяцъ со дня открытія сезона, и сборы понемногу увеличиваются. Публика привыкла къ опереткѣ и драма прививается съ трудомъ.

Спектакли обставляются очень тщательно, режиссерская часть поставлена надлежаще. Труппа пользуется успѣхомъ.

Репертуаръ: „Дядя Ваня“, „Вишневый садъ“, „Столпы общества“, „Гибель Надежды“, „Дѣти солнца“, „Мѣщане“, „Мораль пани Дульской“, „Марія Стюартъ“, „Отравленная совѣсть“, „Весенній потокъ“ и др.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Со второй половины октября въ небольшой аудиторіи народныхъ чтеній пріютилась труппа гг. Судьбинина и Дорошевича. Въ ней есть нѣсколько очень хорошихъ артистовъ и добросовѣстный режиссеръ. Народъ подобрался интеллигентный. Репертуаръ почти исключительно новинки. Исполненіе добросовѣстное. Труппа быстро завоевала симпатіи публики. Театръ почти всегда полонъ.

Послѣднее-то обстоятельство и обратило на себя вниманіе администраціи. Въ аудиторіи на спектакляхъ появились необычайные посѣтители. Результаты этого лестнаго вниманія сказались. Сняты уже съ репертуара дѣв самыя ходкія пьесы: „Пробужденіе весны“ и „Отмѣтка въ поведеніи“. Снятіе первой мотивируется „порнографіей“, второй... „сильнымъ драматизмомъ“. Аргументація удивительно совпадаетъ съ той, которая фигурируетъ въ мѣстной черносотенной газетѣ „Русская Правда“... Нельзя не отмѣтить слѣдующаго обстоятельства: администрація, такъ обезпокоенная порнографіей Вележинда, ничего не имѣетъ противъ порнографіи самыхъ разухабистыхъ оперетокъ и фарсовъ, находящихся гостепріимный пріютъ въ Екатеринославѣ...

МАРИУПОЛЬ. Сезонъ открылся 14 октября нсово пьесой „Хаосъ“. Сборъ полный. Пьеса и труппа имѣли успѣхъ. Послѣ 1-го акта, на сцену, Я. В. Лихтеру отъ театральнаго коммисіи была поднесена хлѣбъ-соль (антреприза 3-й сезонъ).

Репертуаръ перваго мѣсяца: „Хаосъ“, „Бѣлый ангелъ“ и „Женское любопытство“, „Фарисей“, „Казнь“, „Слушай Израиль“ и „Волшебн. вальсъ“ (2 раза), „Недруги“, „Наслѣдный принцъ“, „Ніобея“ и „Женскій парламентъ“, „Идіотъ“, „Дохлоное мѣсто“, „Брачный бойкотъ“ и „Красный цвѣтокъ“, „Уриель Акоста“, „Рафльсъ“, „Соколы и вороны“, „Юная буря“ (спектакль съ благотв. цѣлю), „Черные вороны“, „Новый мѣръ“ и „Безпечальныя“.

Въ общемъ дѣла среднія, что объясняется конкуренціей цирка Перваля, только-что уѣхавшаго съ гастролями Владимира Дурова, дѣлавшаго все время полные сборы.

Р. С. По полученіи прискорбнаго извѣстія о смерти Анатолія Шмидтгофа труппою отслужена панихида о покойномъ товарищѣ.

СИБИРСКЪ. Прошелъ мѣсяцъ со дня открытія сезона (26-го сентября) Е. В. Неволитой. Вотъ полный репертуаръ за первый мѣсяцъ: „Нищие духомъ“, „Соколы и вороны“, „Балерина“, „Идіотъ“, „Василиса Мелентьева“, „Хаосъ“, „Весенній потокъ“, „Цѣпи“, „Женитьба Бѣлугина“, „Братья-помѣщики“, „Сонная тетеря“, „Уриель Акоста“, „На крыльяхъ“, „Дикарка“, „Старый закалъ“, „Морскія ванны“, „Фимка“, „Дочь вѣка“, „Сыщикъ Лекокъ“, „Рафльсъ, воръ-любителъ“, „Симбирская гетера“ и „Душа и тѣло“. Эта пестрота репертуара должна быть отнесена къ минусамъ постановки дѣла.

Антреприза сдѣлала много и хорошаго: напр., отремонтировала театръ, приобрѣла нѣсколько новыхъ декораций и т. п.

Изъ артистовъ выдѣлялись г-жи: Марусина, Эллеръ и Александрова-Фокъ; гг.: Грининъ, Гедике, Любинъ, Смоленскій, Родюковъ и Разсудовъ.

Въ матеріальномъ отношеніи первый мѣсяцъ сезона прошелъ лучше, чѣмъ въ прошлый сезонъ (взято на триста — четыреста рублей больше). Большимъ успѣхомъ пользуются „четверги“ (общедоступные спектакли) и „пятницы“ (серьезныя пьесы).

Д. Е. Ржаницъ.

Репертуаръ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ

съ 19 по 26 ноября.

Въ Александринскомъ театрѣ. 19-ю: „Хорошенькая“, 21-ю: „Смерть Іоанна Грознаго“, 22-ю: „Гроза“, 23-ю: „Хорошенькая“, 24-ю: „Маленькій Эйольфъ“, „Раскольниковъ и Порфирій Петровичъ“, 25-ю: „Сердце не камень“.

Въ Мариинскомъ театрѣ. 19-ю: „Франческо да Римини“, 21-ю: Бенефисъ оркестра, съ участіемъ г. Собинова, „Манонъ“, 22-ю: „Тангейзеръ“, 23-ю: „Кавказскій плѣнникъ“, 25-ю, утромъ: „Кавказскій плѣнникъ“, вечеромъ: „Лебединое озеро“, бал.

Въ Михайловскомъ театрѣ. 21-ю и 22-ю: „Chacun sa vie“, „La bonne intention“, 23-ю: „La puce à l'oreille“, 24 и 25-ю: „Le coeur... et le reste“.

Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ дозволеннымъ къ представлению безусловно.

(„Пр. Вѣстн.“ № 226 отъ 18 октября).

„Безпечальные“ (Волга). Комедія въ 4 д. Виктора Рышкова. Изданіе „Театръ и Искусство“.

„Безработные“. Въ 4 д. Соч. Бѣлой.
„Война“. Драма въ 3 д. Н. Евреинова. Типографія с.-петербургскаго товарищества печатнаго и издательскаго дѣла „Трудъ“.
„Въ цѣпяхъ“, въ 3 д. Бріе, перев. В. Томашевской. Изданіе „Театра и Искусства“.
„Гдѣ нечаеся, тамъ случается“, ш.-в. въ 1 д. и 2 к. Ю. Громаковской.
„День короля Рене“ (Иоланта) муз. др. въ 1 д. Г. Гертда, перев. О. Задубровскаго и М. Кре-вой.

„Друзья закона“. Пьеса въ 3 д. Фелликса Кнопль. Пер. съ нѣмецкаго Нат. Будмевичъ.

„Заколдованный кругъ“, въ стихахъ (въ 5 д.) Люціана Ридель. Перев. Изабеллы Гриневской.

„Золотой телець“. Ком. въ 1 д. С. Добржанскаго. Перев. съ польскаго А. Френкель.

„Идеальный супругъ“. ком. въ 4 дѣйств. Оскара Уайльда. Перев. С. Д. Карлина.

„Испанская кровь“. Фарсъ въ 3 д. Пер. съ французскаго С. О. Сабурова.

„Красотка съ чудными глазами“. Соч. Пьера Декурсель. Перев. Ю. Громаковской.

„Мадемуазель Жозетта, моя жена“. Ком. въ 4 д. Поля Гаво и Роб. Шарве. Перев. С. Д...скаго.

„Около денегъ“. Др. въ 5 д. (Изъ сельской фабричной жизни).

„Оросманъ или Властелинъ Іерусалима“. Траг. въ 5 д. Передѣлка трагедіи Вольтера, подъ редакціей В. М. Михеева.

„Парижскія тѣни“. Пять картинъ изъ жизни. Соч. Ф. Филиппи. Перев. Майр. Гиршманъ.

„Петербургскія грущобы“. Драматическ. сцены изъ романа Всеволода Крестовскаго въ 6 д. и 9 карт. Передѣлка актера В. Евдокимова.

„Право женщины“. Пьеса въ 4 д. Вальтера Блэмъ. Перев. В. О. Шмидтъ.

„Прокуроръ“. Драма въ 4 д. К. Шюллера. Перев. П. П. Немвородова.

„Рабы капитала“. Драма въ 5 д. Н. Прошинской. (Сюжетъ заимствованъ).

„Разбойникъ Чуркинъ“. Драматическая быль въ 4 д. И. Мясническаго и М. Ярона.

„Развелись“. Ком. въ 1 д. Александра Френкель. (Сюжетъ заимствованъ).

„Рафльсъ, воръ-любитель“. Комедія въ 4 д. Е. Горнэнга и Е. Приссбрея. Перев. съ англійскаго Л. Л. Пальмскаго и И. Г. Ярона. Изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

„Сельскій учитель“. Пьеса въ 4 д. А. Бахметьева.

„Современный бракъ“. Комедія въ 3-хъ актахъ Франси де Круассе и Авеля Торриды. Переводъ Д. К. Строева и Е. Богдановской.

„Убийца Теодора (Le meurtrier de Théodore)“. Комедія въ 3 д. Переводъ съ французскаго С. О. Разсохина.

„Цвѣты папоротника“. Картины изъ театральной жизни въ 4 д. Н. О. Юшкова.

„Черные вороны“. Пьеса въ 5 д. В. Протопопова. Изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

„Чудо странника Антонія“. Пьеса въ 2 д. М. Метерлинка. Переводъ Э. Э. Маттерна и В. Л. Бинштока.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ГРИМЕРЪ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПАРИКМАХЕРЪ

52—52

Народнаго Дома Императора Николая II и всѣхъ Попечительскихъ театровъ о народной трезвости, а также дѣтскаго и зрѣлаго театра „Вуффъ“, театра „Пассажа“, театра „Фарсъ“ Тумпакова, театра „Фарсъ“ Казанскаго, Спб Зоологическаго сада и театра „Антэй“ и прочъ частныхъ театровъ.

Получилъ за выслугу въ Парижѣ Почетный дипломъ и медали.

Разыскаю по провинціальнымъ театрамъ мастеровъ съ полнымъ гардеробомъ париковъ.

Высылаю въ провинцію налож. платежъ, всевозможные парики и бороды всѣхъ вѣковъ и характеровъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

12 тысячъ париковъ.

Геннадій АЛЕКСАНДРОВЪ.

Трепсъ-курантъ бесплатно.

Магазинъ, мастерская и контора:

Кронверкскій № 61.

НОВАЯ КНИГА. АННА САКСАГАНСКАЯ.

Драматическія сочиненія.

Томъ второй.

„На новую дорогу“. Пьеса въ 4 д.

„Внѣ закона“. Драма въ 3 д., 4 к.

„Безумная“. Драма въ 2 д. и 3 к.

Цѣна 2 рубля.

10—8

Продается въ конторѣ „Театра и Искусства“.

ПЕРВОЕ РОССИЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

учрежденное въ 1827 г. заключаетъ:

I. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ОГНЯ:

а) Недвижимыхъ имуществъ всякаго рода.

б) Движимыхъ имуществъ, товаровъ и машинъ.

II. СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ:

а) Страхуваніе капиталовъ на случай смерти и на дожитіе.

б) Страхуваніе ренты.

III. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ НЕОЖИДАН. СЛУЧАЕВЪ:

а) Коллективныя—рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ, заводахъ, горныхъ промыслахъ, въ сельскихъ и дѣсныхъ хозяйствахъ, при всякихъ строительныхъ работахъ, а также судовыхъ командахъ.

б) Отдельныя лица—отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, какъ въ сферѣ служебной дѣятельности, такъ и внѣ таковой.

в) Пассажиры—отъ несчастій съ поездами желѣзныхъ дорогъ и пароходами, по пожизненному полису.

ПРАВЛЕНІЕ: ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, МОРСКАЯ, 40.

Агенты во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Имперіи.

„ПОДЪ УГРОЗОЙ“

драма въ 4 д. Кистемекера, перев. г. Полидова. рукоп. цензур. экз. 6 руб.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ, находившаяся

долгое время подъ цензурнымъ запретомъ, пьеса въ 5 дѣйств. изъ Сибирской жизни

„УГОЛОВНО-ССЫЛЬНЫЕ“, соч. Р. Н. Князевскаго (Жоржа Не-Сибиряка).

На-дняхъ разрѣшена безусловно; № „Прав. Вѣстника“ указанъ на каждомъ экземплярѣ.

Цѣна 1 рубль.

ВЫПИСЫВАТЬ: отъ автора, г. Тюмень, Тобольской губ., Царская, № 1 (за пересылку не платятъ), или изъ Комис. Бюро при Союзѣ

драм. и музык. писателей. С.-Петербургъ, Ямская, д. 1, кв. 2. 5—1

Разрѣш. безусл. Прав. Вѣст. № 226.

„БЕЗРАБОТНЫЕ“, 1—1

драма 4 д. С. Бѣлой изъ жин. фаб. рабоч. ролей 5 м., 3 жен. и народѣ. Продается Москва, Теат. библ. М. А. Соколовой.

Вышла новая пьеса

КРАСОТКА СЪ ЧУДНЫМИ ГЛАЗАМИ.

Драма въ 5 дѣйств. и 8 карт. Декурсель, автора „Двухъ подростковъ“.

Театральной библіотеки М. А. Соколовой въ Москвѣ. 1—1

Оригинальныя и переводныя пьесы Ю. Громаковской, безусловно дозволенной цензурой:

„Задачи жизни“ ком. 4 д. „Пр. Вѣст.“ № 188, 1907 г. Ц. 1 руб.

„Гдѣ не чаеся, тамъ случается“, вод. 1 д. „Пр. Вѣст.“ № 226, 1907 г. Ц. 50 коп.

„Зимній сонъ“, др. 3 д. Дрейера пер. Ю. Громаковской. „Пр. Вѣст.“ № 62, 1906 г. Ц. 75 к.

„Красотка съ дивными глазами“, др. 5 д. 8 карт. П. Декурселя, пер. Ю. Громаковской. „Пр. Вѣст.“ № 226, 1907 г. Ц. 1 р.

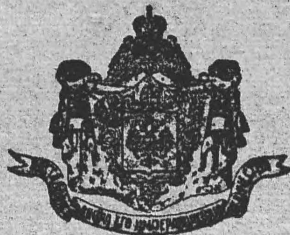
„Инстинктъ“, пьеса 3 д. Кистемекера, пер. Ю. Громаковской. „Пр. Вѣст.“ № 243, 1907 г. Ц. 1 р.

Пьесы можно купить въ конторѣ „Театръ и Искусство“ и въ Союзѣ писателей.

Ямская 1.

1—1

РОЯЛИ ПАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

Театръ благоустроенный

въ большомъ городѣ, на 1200 чел. предстоитъ съ переводъ долга очень выгодно, со своимъ инвентаремъ въ полномъ ходу. Театръ новый, камен. съ электрич. и паровымъ отоплен. Обращ. письмомъ. Киевъ, Превъзна ул., 7, кв. 6. Л. М. А. 5—5

ДАМСКІЕ НАРЯДЫ,

Модныя платья, костюмы, верхн. вещи, шп. Вѣкъ. Стари. кружева.

ПОКУПАЮ, ПРОДАЮ.

Москва, Тверская, Колицкій, д. Вахрушина, подъездъ 2. 52—41

Петербургская театральная библиотека

В. К. Травскаго.

(Театр. площ. 6, Т. 243—01).

Продажа и прокатъ нотъ.

ОПЕРЫ И ОПЕРЕТКИ.

Весь новый и старый репертуаръ.

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Первое на югѣ осси художественно-декоративное ателье.

Изготовляетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ:

декораціи, обстановку, бутафорію, колосное оборудованіе сцены по новейшему слому театальной техники.

Особо дешовыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій.

Подробныя свѣдѣнія и смѣты требовать: Одесса, контора

художника **М. БАСОВСКАГО.**

М. Арнаутская, д. 60, кв. 18.

Вырѣжьте на память — пригодится.

52—14

„ЗОЛОТЫЯ ПУТЫ“

(„Золотыя окна“).

к. въ 4 д. Вре, перев. Ал. Марина, ц. 2 р.

„ГРѢХЪ“

въ 1 дѣйствіи Шолома Аша, ц. 1 рубль.

Обращ. въ „Театръ и Искусство“.

МАССАЖЪ ЛИЦА

по новейшему парижскому способу.

Устраненіе морщинъ, красноты, веснушекъ, прыщей, угрей и прочихъ дефектовъ кожи лица, шеи и рукъ. Уничтоженіе излишней полноты двойныхъ подбородковъ, отековъ и т. д.

Укрѣпленіе волосъ. Электро-вибро массажъ общій и врачебный.

Наровны ванны, свѣтлолечение. Продама лучшихъ заграничныхъ косметикъ и духовъ.

Ю. И. ШАГИНА.

Пантелеймоновская 11, кв. 37.

Къ процессу о сдачѣ Портъ-Артура

вышла изъ печати **КОНЕЦЪ ОСАДЫ ПОРТЪ-АРТУРА** 28 печатныхъ листовъ съ 38 рисунками на отдѣльномъ листѣ. Цѣна 3 руб. Книга эта составл. продолж. I и II ч. сочин. того же автора: „Правда о Портъ-Артурѣ“.

„ПРАВДА О ПОРТЪ-АРТУРѢ“ Е. К. НОЖИНА. I часть 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 руб. II часть 3 р., съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

ОБЗОРЪ МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Барона Н. Н. ВРАНГЕЛЯ. Цѣна 50 к., съ пересылк. 65 к.

М. ЛУРЬЕ: **„СТРОИТЕЛЬНЫЙ СЕЗОНЪ“** с Единичными расцѣнными вѣдомостями на всѣ строительныя работы и с Цѣнником на строительные материалы Петерб. городск. обществ. управленія, утвержд. на 1906—1907—1908 гг. Цѣна 3 р., с перес. 3 р. 50 к.; в переп. 4 р., съ пересылкой 4 р. 70 к.

Можно выписывать налож. платежомъ чрезъ типографію „ГЕРОЛЬДЪ“, Спб. Вознесенскій просп., 8. 2—2

МАЙСКАЯ РОСА

лучшее средство, придающее лицу натуральную бѣлизну, нѣжность и красоту, удаляющее веснушки, угри, прыщи и морщины. Дѣйствіе замѣтно съ перваго употребленія! Пробное натираніе лица производится въ кабинетѣ „Майской Росы“ бесплатно.

Не кремъ, а прозрачная жидкость!!! Цѣна флакона 2 р. 50 к. продается исключительно у избрѣтательницы

А. К. ВЕЙБЕЛЬ.

Спб. Екатерининскій кан. д. 49, кв. 25. у Каменнаго моста.

ПОРТНИХИ

прекрасно знаютъ свое дѣло ищутъ работы, можно поженно, одна спеціально по верхн. вещамъ, другая на платья, имѣютъ солидн. рекомендаціи. В. О., Косая, 24—25, кв. 271.

Требуйте

Цвѣточный О-де-колонъ

„Вера-Виолетта“

Товарищества

„ГИГИЕНА“

въ С.-Петербургѣ.

Лиговская ул., д. № 123.

Превосходное мыло

ВЕРА-ВИОЛЕТТА

НО ТОЛЬКО

С.-Петербургской **ТЕХНО**-Химической лабораторіи.

О.-Петербургъ, Лиговская, 123. — Продается всездѣ.